Ольга Иванова

О, Натали!

повесть

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частицу бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить, и глядь – как раз умрём.

А. С. Пушкин

* * *

МАЙ УЖ заявил о своих правах, серость и неизбежную петербуржскую грязь слегка оживила первая, едва проклюнувшаяся зелень. Но ещё не показались на свет солнечные вкрапления одуванчиков. А ведь эти вездесущие предвестники весны пробивались сквозь булыжники и камень монументальных фундаментов, словно нипочём им преграды, подвластна любая твердь, не страшны мощные копыта и безжалостные колёса, перемалывающие со временем в пыль даже покрытие мостовых.

Наталья Николаевна вздохнула, по солнцу и цветам она скучала, однообразные краски зимы утомили взор, хотелось лета с его дачной беззаботностью, теплом, обилием простых и недорогих развлечений. Недорогих – это главное! Не сразу, но она научилась считать расходы и задумываться о вещах, о которых, казалось, светская дама и думать не должна.

Она откинулась в кресле, приподняла подол домашнего широкого платья, вытягивая оплывшие ноги. Эта беременность давалась нелегко. Поначалу её мучила невыносимая дурнота, из-за неё г-жа Пушкина редко появлялась на балах, а в конце зимы стали пухнуть ноги, словно тонкий безупречный стан Натальи Николаевны не мог выдержать тяжести раздувшегося чрева. Лёгкая улыбка коснулась изогнутых губ, ей вспомнилось последнее письмо мужа. В нём с обычной своей бесцеремонностью Александр Сергеевич интересовался, не избавилась ли она ещё от пуза. Нарочитая грубость мужа не обижала, за этими строками сердце любящей женщины угадывало его беспокойство, страх за её здоровье и саму жизнь. Саша всегда убегал из дома, когда приходил срок разрешиться от бремени, опасался не выдержать страданий жены, памятных ещё с первых родов. Тогда он отважно пожелал присутствовать при появлении на свет первенца, но при виде мучений Таши едва не ли-

шился рассудка. Строгая тёща зятя за такие бегства сурово осуждала, не понимали сёстры и близкие, одна Наталья не порицала, смирялась с отсутствием любимого супруга и оправдывала.

Она во многом его оправдывала, терпела внезапные вспышки раздражения и безденежье, виня себя, что не смогла принести в семью достойного приданого. Не могла дать Александру Сергеевичу и должного внимания, но не разорваться же на части, когда требуют постоянного участия трое детей и незамужние сёстры, которых никак не удаётся пристроить. А прислуга?! Как управляться с лишённой усердия сворой? Теплилась надежда на сестёр, и поначалу она оправдалась, когда Натали, несмотря на недовольство мужа, перевезла Катрин и Александрину от брата в Петербург. Конечно, старшая сестра Екатерина – не помощница, характером она пошла в маменьку, такая же взбалмошная, жаждущая развлечений, а вот Александрина, или Азя, как упрощённо звали её домашние, на первых порах оказалась истинным кладом. Она с повседневными хлопотами управлялась легко и играючи, и с Александром Сергеевичем нашла общий язык. Их увлечённые беседы Натали поначалу радовали, ведь муж, наконец, смирился с существованием в семейном гнёздышке двух барышень. Умненькая, начитанная Азя быстро отыскала путь к душе издёрганного бесконечными заботами и неурядицами поэта.

То, что средняя сестра проложила тропку и к сердцу её мужа, до Натали дошло не сразу. Только вот случился в доме переполох по случаю утери Азей крестика: горничные перерыли весь дом; Катрин кричала на прислугу, обвиняя их в воровстве. И тут явился дядька Александра Сергеевича – Никита Козлов с крестиком в руках и простодушно сообщил: «Постелю барину прибирал, а он в простынях запутался». Все присутствующие замерли тогда в ужасе, и без пояснений было ясно, чью постель заправлял камердинер Пушкина. Наталья Николаевна побледнела, Катрин возмущённо зашипела, а горничных как ветром сдуло, да и Азя сбежала, так и не попытавшись дать хоть какие-то объяснения. Она оставила Натали с этой невыясненной тайной и бесконечной болью на сердце: «Так было или нет?» Наталья Николаевна не стала говорить об этом ни с мужем, ни с сестрой, потому как привыкла отмалчиваться, держать в себе боль, страхи, обиды. А ведь знала, её молчаливость принимали за холодность, а то и за глупость. Пусть так, от дамы в высшем свете требуется блистать, а не слыть умницей, вот на балах она и отыграется!

Блистать признанной первой красавице Петербурга сам бог велел, даровав ей утончённую красоту, грациозную и дивно сложенную фигуру, обезоруживающее обаяние. Добавить к сему сияющую белизной нежную кожу, бархат ресниц, застенчивый взгляд светлых каре-зелёных глаз и чарующий голос – и вот вам портрет самой изысканной женщины, с которой даже государь взор не сводит. Муж ревнует, ну что ж, не только её сердцу надрываться, ожидая его до утра из Английского клуба, а, по слухам, и после развлечений с доступными кокотками. От ценителей её красоты отбоя не было, и Натали любила балы, в отличие от Александра Сергеевича, с трудом терпевшего светские развлечения. В танцах стирала тонкие подошвы изящных туфель, муж упрекал, особенно, когда забывала о своих состояниях. Но в состоянии беременности она бывала так часто, а пренебрегать обязанностями, когда их чурается ещё и муж, а государь выражает недовольство, опасно и неприлично. Вот и появлялась Наталья Николаевна в высшем свете без супруга, случалось, кокетничала с поклонниками, а после простодушно пересказывала Саше, кто за ней ухаживал, и с кем кружилась в котильоне, а с кем прошлась в мазурке. В очередной раз будила ревность в потомке африканского князя? Да! И порой делала это намеренно в ответ на причинённую боль, объясняя откровенность давним обоюдным уговором ничего не

Ольга Иванова – автор трилогии «Повелительницы Казани» («Нурсолтан», «Гаухаршад», «Сююмбика»), главы из которой мы публиковали в предыдущих выпусках альманаха. Сегодня также историческая тема, только из других времён и с совершенно другими героями

скрывать. Иной раз ревность будила в муже горячую страсть, и тогда в тесных объятьях забывались мелкие обиды, и исчезала неуверенность в его любви. А без этой уверенности как жить на свете?

Натали со вздохом поднялась с кресел, придерживая живот руками, осторожно обошла нагромождённые короба и книги.

– Таша! – Катенька ворвалась в комнату, словно вихрь. – Дмитрий пошлёт нам лошадей и дамские сёдла с уздечками, – всё, как мы просили!

Натали улыбнулась старшей сестре, новость утешающая, если бы пришлось тратиться и на эту статью расходов, ушло б ещё около тысячи на троих. Конечно, она не скоро отправится на конную прогулку, а вот сёстры не удержатся от возможности покрасоваться в седле в сопровождении блистательных кавалергардов. А первым среди них будет Жорж Дантес – приёмный сын голландского посланника барона Геккерна. Об этом голубоглазом белокуром поручике каких только слухов не ходит, вплоть до самых грязных, о которых чувствительная Наталья Николаевна и слышать не могла. Да и как поверить в отвратительные наклонности к мужеложству милого и остроумного Жоржа, если он ни одну хорошенькую даму мимо себя не пропускает, так и сыплет комплиментами, ласкает горящими взорами. Жаль, что как жених он на её сестриц-бесприданниц не глядит, ведь с деньгами Луи Геккерна Жорж превратился в состоятельного человека. И у императрицы он на хорошем счету, сопровождает в прогулках её и наследника, а в салонах дамы из высшего света Дантесу всегда рады как перспективному жениху и просто очаровательному молодому человеку.

–Таша, когда же отправимся на дачу? Я уже вещи уложила, а прислуга бездельничает, ты их разбаловала донельзя, – теребила Натали Катерина, – никто шевелиться не хочет, прикажи им собираться.

Екатерина Николаевна уже видела себя в красной бархатной амазонке на гарцующей лошади, то есть в самом выгодном для неё свете, ведь таких ловких наездниц, как сёстры Гончаровы, ещё поискать. А если отправиться на прогулку вместе с кавалергардами и попросить одного из них подсадить её, Катрин, на лошадь, то офицер непременно заметит, какая у неё тонкая талия и стройный стан. В этом сёстры были похожи, таких прелестных ножек и безупречных фигур в Петербурге не найти. А вот если б ей обворожительное лицо Таши, она тогда не какого-нибудь писаку Пушкина, а такого как Жорж Дантес завлекла бы. Давно замечала Катрин пламенные

взгляды кавалергарда, которые он бросал на её сестрицу. Но этим летом едва ли поэтичная красавица Пушкина рискнёт скоро показаться на глаза поклонникам, вон как ковыляет на своих распухших ногах, до изящных ли пассажей тут? Значит, ей, Катрин, и карты в руки!

–Так, когда на Каменный остров?

– На днях, – отмахнулась Натали.

Она не стала объяснять, что надеялась на скорое возвращение мужа, который мог основную заботу о переезде на дачу взять на себя. Наталья Николаевна устала, её измучили недавняя перемена жилья и болезненное состояние вместе со страхами предстоящих родов, а у Катрин одна печаль – наряжаться и на лошади красоваться. Но по большому счёту она сестру понимала, не будь этой беременности, и сама с азартом готовилась бы к летнему сезону: перебирала лёгкие платья и шляпки; мечтала о прогулках под сенью деревьев, где так романтично звучат пылкие признания поклонников. В такие моменты голова кружится и забываешь о повседневных тягостных хлопотах, о приземлённых нуждах, о многочисленном семействе и о вечно занятом, раздражённом Пушкине, который с некоторых пор может быть любезен со всеми дамами, кроме неё. Остаётся лишь возносить хвалу их разлукам, тогда Наташе достаются его письма, а в них между ворчаниями, увещаниями и высказываниями острого и ироничного ума поэта читаются любовь и забота.

Саша не виноват, его, как и её, истерзала нужда, кредиторы, счета, а ещё этот журнал, на который возлагались большие надежды. А что получилось? Натали бросила взгляд на лист полученного вчера письма от мужа: «С наблюдателями и книгопродавцами намерен я кокетничать и постараюсь как можно лучше распорядиться с Современником». «Будет продавать себе в убыток», – подумалось невольно. Очень уж хорошо она знала Пушкина, его непрактичную натуру. Наталья Николаевна и сама большой рачительностью не отличалась, но постоянно растущее семейство заставляло задумываться об изыскании доходов. Вот и в прошлом месяце попросила брата Дмитрия обеспечивать потребности мужа в бумаге.

Наталья Николаевна собралась в детскую. К расположению комнат в новом жилье ещё не привыкла, сунулась по ошибке к Александрине. Та, одетая, лежала на кровати, с мечтательным видом закинув одну руку за голову, другой прижимала к груди письмо.

– От кого? – спросила Натали больше для порядка, чем из интереса.

А Азя смутилась, поднявшись, с виноватым видом протянула невскрытое послание сестре:

– Прости, Таша, это от Пушкина, только что доставили. И вот ещё, – она схватила с подноса другой конверт, – от князя Одоевского.

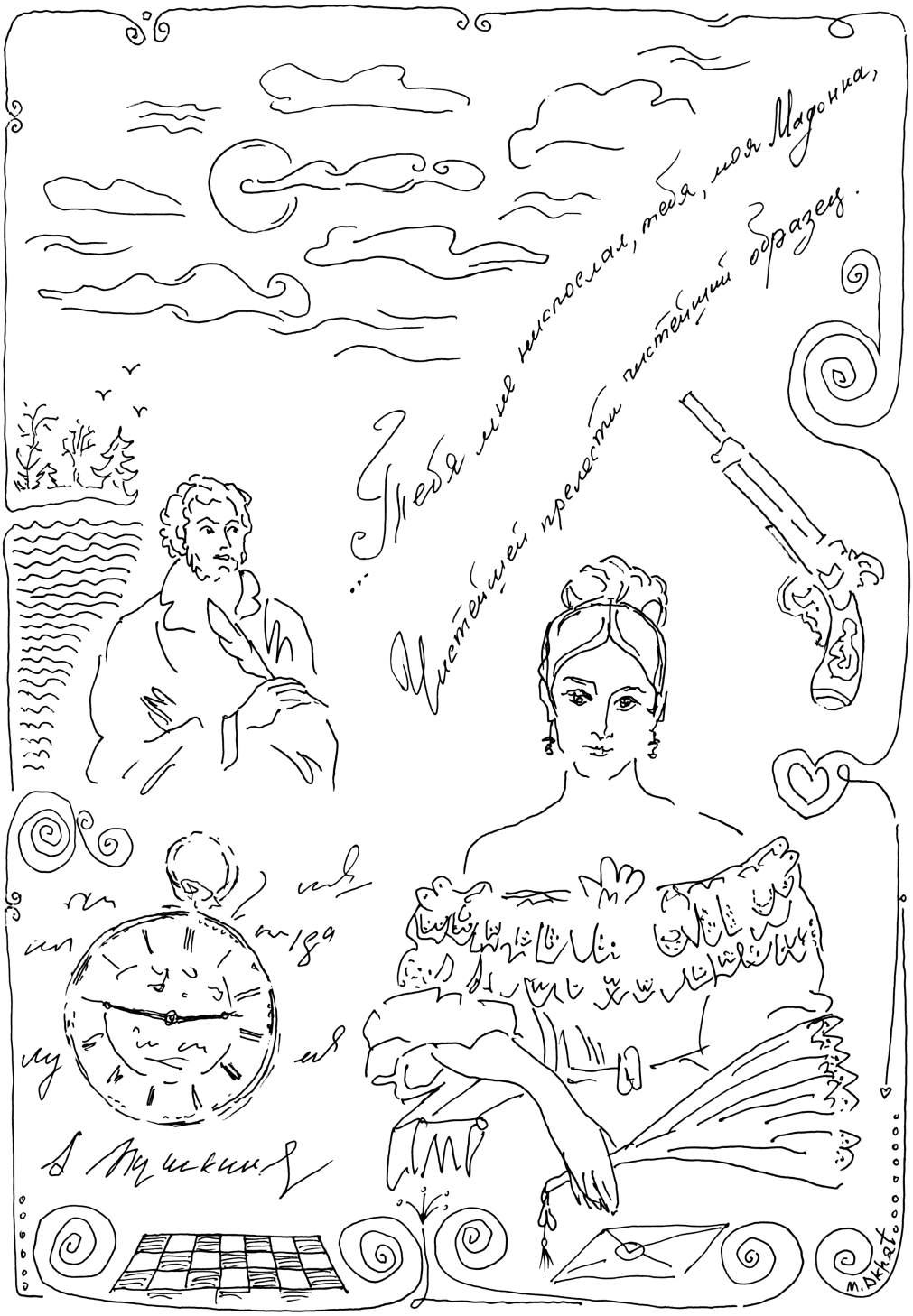
Главное, чтобы рука не задрожала, а вслед за тем и голос, не следует показывать сестре, как задевают знаки её явной влюблённости в Сашу. «Так было или не было»?

Вскрыла письмо от мужа, оно, как обычно, пространное, но без ожидаемых хороших новостей о продаже «Современника», Пушкин больше передавал сплетни, ходившие по Москве. Про них надобно прочитать сёстрам, они охочи до слухов, особенно тех, которые касаются близкой родственницы Идалики. Рыжеволосая Идалия Полетика приходилась им кузиной по материнской линии и считалась воспитанницей влиятельного графа Григория Строганова, хотя на деле была его незаконнорождённой дочерью. Яркую красавицу с глазами лазурными, как южное море, охотно принимали повсюду, вплоть до императорского дворца.

И вот безупречная Полетика, которую прозвали «мадам Интрига» за умение создавать неоднозначные ситуации, оставаясь в стороне, вдруг стала героиней скандала, да ещё какого?!

Натали нарочито обыденным голосом произнесла:

– Пишет, что влюблённый в Идалию некто Савельев дал пощёчину своему


Тебя мне пророчат, тебя, моя Мадонна,
... Чистейшей прелести чистейший образец.
А. Пушкин
M. DKhAT

полковому командиру Гринвальду, за что на днях будет расстрелян.

Умница Александрина поспешила поддержать разговор, спеша разрядить возникшую между ними неловкость:

– Мне Катенька вчера рассказывала. Все надеются, что Савельева, как пострадавшего от любви, лишь разжалуют и отправят на Кавказ. Полковник был пьян и оскорбительно отзывался об Идалии.

– Какой ужас! – Наталья Николаевна сжала занывшие виски ладонями. – А Александр Михайлович не собирается вызвать Гринвальда на дуэль?

– Кто?! Божья коровка? – фыркнула Азя.

Она к супругу Идалики – Александру Полетике относилась с некоторым пренебрежением, как многие дамы в свете. Его считали слишком кротким и нерешительным для человека, делавшего военную карьеру, отсюда и это обидное прозвище «Божья коровка».

Натали поморщилась, она, в отличие от сестёр, не любила кого-либо обсуждать, если случались при ней такие разговоры, то напускала на себя равнодушный вид и беседу не поддерживала. Вот и прослыла холодной, бездушной и неумной, как будто весь разум состоит в желании сплетничать и зло насмехаться над отсутствующими. Она и сейчас перевела разговор на другую тему:

– Помоги собраться на дачу.

– Я уже велела укладывать вещи детей, но няни, пожалуй, провозятся.

– Хорошо бы поторопиться или придётся остаться здесь до родов.

– Что ты, Таша, – даже испугалась Александрина, – тогда на половину лета в Петербурге застрянем! Я сама займусь приготовлениями к отъезду!

«Вот и Азя рвётся на природу из каменного мешка, к блестящим кавалергардам, флирту и романам», – подумалось как-то отстранённо. Но как не посочувствовать сёстрам, это она вышла замуж в девятнадцать годков, а Александрине скоро двадцать пять, Екатерине и вовсе двадцать седьмой. Сёстры недурны собой, образованны, но бесприданницы.

Вернувшись к себе в комнату, Натали расправила слегка помятый лист, дочитала письмо. Строкам о себе улыбнулась: «И про тебя, душа моя, идут кой-какие толки, которые не вполне доходят до меня, потому что мужья всегда последние в городе узнают про жён своих, однако ж видно, что ты кого-то довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостью, что он завёл себе в утешение гарем из театральных воспитанниц. Нехорошо, мой ангел: скромность есть лучшее украшение Вашего пола». Если он это о царе, то Наталья Николаевна могла только посмеяться, – хороша она сейчас со своим «пузом» и на распухших ногах, чтобы прельщать государя. Да и в лучшие времена, когда блистала Натали на балах в Аничкове, Николай Павлович дальше комплиментов никогда не шёл, всем известна его искренняя привязанность и верность императрице Александре Фёдоровне.

Письмо от Одоевского Натали вскрыла, уже сидя в кресле и устроив нывшие ноги на специальной скамеечке. Владимир Фёдорович перечислял хозяйственные дела «Современника», просил незамедлительно сообщить о них Пушкину. Последним пунктом шутливо прибавил: «Наконец 7-е и самое важное, если Александр Сергеевич долго не приедет, я в Вас влюблюсь и не буду давать Вам покоя». Настроение хоть немного да прибавилось, о! как расцветает женское сердце от мужского внимания! Она сосредоточенно перечитала те строки в письме мужа, где он давал ей деловые поручения, намереваясь выполнить их поскорей, а первым делом перенаправить письмо Одоевского. Дела «Современника» для всей семьи важны, надежды на материальное благополучие связаны с этой последней затеей Пушкина. Он и в письме упомянул об этих надеждах: «Вижу, что непременно нужно иметь 80 000 доходу. И буду их иметь. Недаром же пустился в журнальную спекуляцию…»

Натали вздохнула, в этом весь Саша, загорается легко, пылает идеями, но на полпути может остыть и пустить

всё на самотёк. Следовало в ответном письме опять напомнить господину Поэту, что ныне он занялся делом, которое зовётся не спекуляцией, а торговлей, и барыш получается, если товар свой ценишь и продаёшь не задёшево. Натали и сама поразилась своим мыслям. Ещё пару лет назад она не забивала голову подобными вещами, когда заканчивались деньги на хозяйство или требовалось заказать новое платье, она просто говорила об этом мужу. Предполагала, что Пушкин делает долги, но так многие жили, ей-то денег взять неоткуда. Только с тех пор, как Александр Сергеевич стал посвящать её в свои дела, особенно связанные с журналом, Натали с головой окунулась в расчёты, неожиданно обнаруживая в себе некую купеческую жилку. Однако муж чаще был беспечен и к её советам не прислушивался, продолжая видеть в ней только лишь красавицу. Он никогда не говорил об этом прямо, а Натали не умела показать, как изменили её годы брака, не могла, как Александрина, предстать перед ним интересной, достойной собеседницей. Она научилась вести непринуждённый разговор на балах, и говорили, что улыбка Пушкиной очаровательна, а голос обладает колдовской магией, но никто не называл её умницей, даже муж. А всё от зажатости, идущей из детства.

Вспомнила своё прошлое, и всё нахлынуло разом. Сначала радости маленькой девочки, которую дед, одну из всей семьи, оставил на Полотняном Заводе – шикарном поместье с тринадцатью прудами, где баловал нарядами и игрушками, как принцессу. А потом отослал к её матери, словно скинул с пьедестала. Наталья Ивановна тогда строго взглянула на Ташу в дорогой шубке, с фарфоровой куклой в руках и первым делом повелела распороть меховой наряд, сшив из неё муфты и воротники на пальто дочерям. После разбила вдребезги любимую куклу, с намерением выколотить из младшенькой излишнее барство. И выколачивала, чаще пощёчинами, тычками и руганью. А пьяный отец гонялся за Ташей по комнатам с ножом… С тех пор Натали по возможности избегала ссор, скандалов и бурных выяснений отношений и улыбалась, улыбалась заученно, слывя то красивой и глупой, то холодной и скучной…

* * *

Новая Деревня летом 1836 года считалась модным местом, поблизости, на Каменном острове, Наталья Николаевна и сняла дачу с далеко идущими планами. Здесь, в обществе молодых офицеров, барышням Гончаровым давался очередной шанс устроить свою судьбу. Тётушка Катерина поселилась в предоставленном ей флигеле. А вскоре дача огласилась криками новорождённой, – появилась на свет вторая Таша.

Наталья Николаевна роды перенесла тяжело, акушерка несколько раз вызывала доктора. А в полночь, когда всё закончилось, из Москвы, наконец-то, прибыл Александр Сергеевич. О его приезде роженица узнала лишь поутру, когда муж обнял её, пробудившуюся, и нежно поцеловал в гладкий белый лоб. Даже сейчас, измученная, с тёмными кругами под глазами, Натали была хороша. Пушкин протянул ей ожерелье:

– Нащокин как предчувствовал, что прибуду к этому знаменательному событию, велел преподнести тебе и поздравить с рождением младенца.

Александр Сергеевич опустился на колени, уткнулся в плечо жены, там, где кружево сорочки спустилось, обнажив нежную кожу:

– А я без подарка, ангел мой.

– Полно, Саша. – Она слабой рукой погладила его по голове, как маленького, зарылась пальцами в жёсткие завитки. Прежде кудри мужа вились круче и были куда гуще, ныне поредели, и лицо усталое, измученное. – Ты рядом, и уже хорошо.

Он взял её ладони, поцеловал, теперь они лишь смотрели друг на друга, ничего не говоря. Как бы ни крутила его жизнь, но свою Наташу он любил искренне и нежно. Они часто не пони-

мали друг друга, вращались на разных орбитах, и всё же…

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

А в спальню уже вплывала Екатерина Ивановна, шурша обширной юбкой-колоколом. Незамужняя тётушка никогда не знала счастья материнства, но за долгие годы службы у императрицы, имевшей семерых детей, в вопросах ухода за роженицами поднаторела.

– Александр Сергеевич, не следует так долго утомлять Ташу. Ей надо больше спать, да и доктор прибыл для осмотра. Вы уж удалитесь, голубчик.

Со строгой тётушкой лучше было не спорить, и потом Пушкина как всегда ждали дела в типографии, нераспечатанные письма и записки, среди них срочные, не терпящие отлагательства. Предполагались и встречи с литераторами, из тех, кого намеревался печатать в следующем выпуске «Современника», и среди них Надежда Андреевна Дурова. Записки этой кавалерист-девицы, как полагал Пушкин, должны были произвести фурор. Да вот не все предположения сбываются. О, как часто поэт, пустившийся по тернистой дороге журналиста и издателя, стал убеждаться в этом! На одно он надеялся, что на даче окунётся в любимое занятие с головой. А поэзия так и рвалась на волю при одном лишь чудесном виде на реку Большую Невку со скользящими по ней лодками с треугольниками белых парусов. И замечательно, что Наташа позаботилась об его уединении, – устроила детей с няньками во втором доме, там же поселила сестёр. Супруги оставались одни в отдельно стоящем строении с прелестным балконом и галереей. На первом этаже гостиная и кабинет для него, на втором – её комнаты, где она совсем не мешала внезапному вдохновению, когда он принимался увлечённо сочинять.

Александр Сергеевич на даче надолго не задержался, оставил супругу заботливым домочадцам и помчался улаживать дела в Петербурге. Больше денежные, так как выплат требовали корреспонденты, да и дачная жизнь не была экономна. Новый займ под большие проценты двумя векселями в восемь тысяч рублей Пушкин взял у поручика князя Оболенского. Тут ещё невыносимый Павлищев – муж сестры Ольги Сергеевны – закидывал письмами, требующими немедленного раздела наследства покойной Надежды Осиповны и выплаты аванса. Раздел имения в селе Михайловском с его землями и крепостными сделалось делом нудным, кропотливым и отнимавшем драгоценное время, которого у Александра Сергеевича совсем не было. Он метался между хлопотами издательскими, домашними и попутно торгашескими дрязгами с Павлищевым.

– Саша, ты похудел, – с болью в голосе вымолвила Наталья Николаевна, как только он вырвался из тисков бесконечных хлопот и поднялся к ней в спальню. – Могу ли я чем-нибудь помочь тебе?

– Чем же, жёнка? Тебе и находиться внизу не дозволено.

– Это всё опасения тётушки, а я уже чувствую себя вполне здоровой.

– Потерпи немного, Наташа, твоя тётушка права, от ненастья сырость повсюду, для тебя это опасно. Здесь наверху куда уютней и теплей.

Он поцеловал в лоб, не так, как она хотела бы, и вновь покинул надолго. А Натали в очередной раз принялась решать, написать ли брату Дмитрию с требованием содержания для себя. Она знала, как воспротивится этому шагу Александр Сергеевич, как пострадает его гордость. Но она не знала иного пути помочь ему. Наталья Николаевна вздохнула и взглянула на окно, по стеклу которого опять застучали тяжёлые капли.

Лето выдалось дождливым, почти без солнца, но это не мешало сёстрам Гончаровым совершать долгие конные прогулки. Дачный сезон снимал многие светские условности, делая жизнь для молодых барышень проще и свободней. На прогулках их часто сопровождали

кавалергарды. Александрина и Катрин слыли прекрасными наездницами, к тому же в отсутствии очаровательной Натали девушки смотрелись красавицами. Их образованность, весёлый нрав невольно привлекали молодых людей.

Наконец и у Екатерины появился поклонник. Это средь зимних балов, в снежной круговерти столицы, её излишняя смуглость смотрелась почти вульгарно, в летних же пейзажах Катрин выглядела здоровой девушкой с румянцем на щеках и с живым блеском тёмных глаз. На неё стал засматриваться блестящий и остроумный Жорж Дантес, ещё осенью возглавлявший толпу почитателей красоты Натальи Николаевны. Старшая Гончарова загоралась под обжигающими взглядами дерзкого француза. Кто ж не засмотрится на голубоглазого красавца с белокурыми локонами? Ах, не одно женское сердечко принималось трепетать в присутствии Жоржа, что уж говорить о ней – далеко не юной и небогатой барышне. А вот Дантеса сама императрица выделяет среди многих кавалергардов, он входит в четвёрку её компаньонов на прогулках. Так вот этот самый Жорж бросает огненные взоры на Катрин, сопровождает её повсюду и даёт надежду на невозможное…

А в Александрину, похоже, влюбился Аркадий Россет. Скромный молодой офицер в своё время отличился при подавлении восстания в Польше. Ореол загадочного героя как нельзя подошёл к романтичному настроению Александры, заставив на время поблекнуть мыслям о Пушкине. Она хотела забыть о постыдных девичьих грёзах, о том дне, когда, проникнув в комнату супруга Натали, легла в его разобранную постель. Она прижималась к подушке, которой касалась его щека. О, какие чудные слова он умел изрекать, как завораживать своей бешеной энергией, жаждой жизни и любви!

Она тогда рванула душивший её ворот строгого платья и не заметила порвавшейся цепочки и крестика, соскользнувшего в измятые простыни. Он никогда не предпринимал попыток овладеть ею, хотя Александрина отдалась бы, не задумываясь. Какой мужчина не заметит такой жертвенной влюблённости, столь сильного увлечения, ведь случаются моменты, когда перешагнуть черту так естественно и просто. Случались моменты и между ними, но он не перешагнул, хотя испытывал какие-то чувства к красноречивой, восторженной поклоннице своей, всё понимающей и прощающей, ясной в своих желаниях и влекущей. И ведь ревновал и раздражался, когда видел рядом с Азей Россета. Ревновал так, что замечали многие и делали выводы. Увы, пошлые и грязные. Александрине в этой грязи пришлось выкупаться вдосталь, как только вернулась в Петербург. И даже Аркадий Россет отодвинулся в тень. Не от этих ли слухов?

Натали появилась в компании сестёр к середине лета, заставив Дантеса оставить ухаживания за Катенькой и вновь увлечься мадам Пушкиной. Признанного ловеласа засмеяли бы, волочись он за старшей Гончаровой, когда рядом признанная первая красавица Петербурга, чей шарм и свежесть не поблёкли и после четвёртых родов. А Катрин в присутствии Натали вдруг снова сделалась чернявой дурнушкой, которую едва замечали. Только она продолжала с уверенностью писать брату, как блистает вместе с сёстрами в окружении кавалергардов, не потому ли, что Жорж успевал оказывать ей знаки внимания, но теперь уж тайно. Катрин и это было за счастье.

Наталье Николаевне же понадобилось поклонение давних воздыхателей. Она словно торопилась наверстать упущенное, расцветала, выслушивая комплименты, всё в рамках приличий и правил света. Один лишь Жорж переступал границы, чрезмерно настойчивый в своих притязаниях оказывался слишком на виду. Натали такой напор пугал, но и льстил женскому тщеславию, ведь какая дама откажется от красивого поклонника, смело бросавшегося в омут своей страстной влюблённости?

Что же Пушкин? Разве ему было дело до неё? Он продолжал метаться между типографией, книгопродавцами, кредиторами, успевал принимать друзей на даче – Жуковского, Вяземского, Соболевского... Приезжали гости, среди них Надежда Дурова, Карл Брюллов, французский издатель Франсуа Лёве-Веймар, а следом и пустые визиты скучающих соседей по даче. Всех надо было принять, оторваться от работы с документами, от воплощения в жизнь «Капитанской дочки», от стихов, рождающихся на ходу. У Натали другая забота, она ломала голову, где взять средства на все эти, порой непредвиденные, траты – на обеды и чайные столы, пусть и самые скромные, на развлечения, без которых не обойтись.

В конце июля она, наконец, решилась. Втайне от Пушкина села писать письмо брату Дмитрию: «Теперь я хочу немного поговорить с тобой о моих личных делах. Ты знаешь, что пока я могла обойтись без помощи из дома, я это делала, но сейчас моё положение таково, что я считаю даже своим долгом помочь моему мужу в том затруднительном положении, в котором он находится; несправедливо, чтобы вся тяжесть содержания моей большой семьи падала на него одного, вот почему я вынуждена, дорогой брат, прибегнуть к твоей доброте и великодушному сердцу, чтобы умолять тебя назначить мне с помощью матери содержание, равное тому, какое получают сёстры… Я тебе откровенно признаюсь, что мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю как вести дом, голова у меня идёт кругом. Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать ночами и, следственно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того, чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна…»

К августу до Натальи Николаевны долетели шепотки дачных соседей о нездоровом интересе Александра Сергеевича к Азе, ввергнув в новый приступ сомнения: «Так было или нет?» Она больше месяца провела затворницей в постели, а Александрина всегда находилась рядом с ним. Натали в часы, когда муж навещал её, говорила лишь о слабенькой новорождённой Таше и, как всегда, о нехватке денег. Порой не удерживалась от слёз, узнавая, что он снова играл в карты и наделал новых долгов. Его пристрастие к картам удручало её, в их сложном положении она считала безумием пагубное увлечение Пушкина. Итак, она жаловалась и плакала, Азя же живо интересовалась его творениями, написанными под стук дождя, со вниманием выслушивала, когда он искал собеседника. Чуткая, притягательная Александрина к месту могла пошутить и восторженно замереть, когда он читал что-то из только вот набросанного. Она видела в нём великого поэта, гения, а Натали – лишь отца семейства, обязанного содержать её и детей. Вот как понимала тайные мысли мужа Наталья Николаевна и мучилась своим неумением убедить Сашу в обратном. А ещё не могла справиться с ревностью, которая наваливалась душной волной, и с обидой – чёрной, непреходящей, затмевающей белый свет и нашёптывающей, толкавшей сделать больно ему в ответ…

Слухи стали настойчивей после остроумной, но злой шутки Дантеса, назвавшего Пушкина трёхбунчужным пашой. Намёк на гарем и сожительство со свояченицей были столь явными, что вскоре зловонную сплетню обсуждали, казалось, всюду.

* * *

Натали легко взлетела в седло, поправила кружевной воротничок амазонки. Дорогая ткань чёрного приталенного жакета, безупречно сидевшего на её изящной фигуре, соперничала с бархатом длинных ресниц, чудесные локоны спускались на грациозно выпрямленную спину. Всего лишь один взгляд в сторону Дантеса, и он уже рядом с власти-

тельницей, поспешил коснуться руки в перчатке, сказал что-то незначительное и много значащее одновременно. Взглянули друг на друга, прежде чем поручик продолжил:

– Будете ли вы в Красном селе на фейерверках, Наталья Николаевна?

– А вы бы этого хотели, Жорж?

– Возможно ли такое?! Только не воспротивится ли Александр Сергеевич?

– Не знаю, господин поручик.

Она заигрывала, кокетничала, совсем немного и лишь потому, что Пушкин стоял у окна и смотрел на неё, а может не на неё вовсе, а на Александрину, ведущую нежную беседу с Россетом. Натали пустила лошадь в галоп, вперёд, подальше от мужа и своих подозрений!

А вечером опять шли с сёстрами и в сопровождении кавалергардов к графине Лаваль. Посиделки прескучные, если бы не шутки Дантеса, можно помереть с тоски. Катрин остроумно назвала подобные вечера говорильными, она не могла дождаться, когда закончатся манёвры и начнутся балы.

Пушкин привёз из типографии второй том «Современника», Натали новенькие пачки не обрадовали, ведь и первый выпуск не весь разошёлся, а это деньги вложенные и не полученные обратно. Она словно предчувствовала неудачу сборника, а вот для Пушкина провал стал неожиданностью. Когда-то он думал, что одного его имени достаточно, чтобы «Современник» стал успешен, а ныне критика пошла даже от друзей, что уж говорить о врагах!

Софи Карамзина написала своему брату Андрею в Баден-Баден: «Вышел второй номер «Современника». Говорят, что он бледен, и в нём нет ни одной строчки Пушкина (которого разгромил ужасно и справедливо Булгарин, как светило, в полдень угасшее.Тяжко осознавать, что какой-то Булгарин, стремясь излить свой яд на Пушкина, не может ничем более уязвить его, как говоря правду!)».

Критиковал Белинский, а статья в «Северной пчеле» жалила пребольно: «Поэт променял золотую лиру свою на скрипучее, неумолкающее, труженическое перо журналиста, он отдал даром свою свободу, которая прежде была ему так дорога, и взамен её взял тяжкую неволю; мечты и вдохновения свои он погасил срочными статьями и журнальною полемикою; князь мысли стал рабом толпы».

Страшней всего, что сам Пушкин порой начинал сомневаться в правильности своего выбора. Ведь когда брался за журнал, мыслил задумку эту интереснейшим делом, открывавшим перед ним невиданные читательские горизонты и бездну нового, неизведанного, прогрессивного. А случилось так, что, одолеваемый со всех сторон требованием денег, подгоняемый конкурентами, корреспондентами и злопыхателями, завяз в финансовых расчётах, в правках, цензуре и торгашеских делах.

Уж не впервой Пушкину захотелось скрыться в деревне. Всё подводило его к тому: неподъёмно дорогая жизнь в Петербурге; бесконечная суета, в которой невозможно сочинять и полностью отдаваться любимому делу. А ещё светские развлечения, затягивающие Натали в свой омут, отдаляющие её, делающие порой чужой, неузнаваемой. Развлечения манили, их фальшивый блеск ещё не утомил взора и души молодой жены, и пока ничего не решилось с переездом в деревню, сёстры тянули Натали за собой.

В первый день августа отправились в карете в Павловское к кавалергардам. Офицеры в специально приготовленной для дам палатке устроили превосходный обед. После собирались большой компанией двинуться в лагерь на фейерверк, но всё спутал дождь, пришлось укрыться в избе у Солового. Дам было немного, и среди них Идалия Полетика. Екатерине Гончаровой, не упускавшей из виду Дантеса, почудилось, что он обменялся нежным взглядом с Идаликой. Та сделала жест, словно призывала к осторожности, и Жорж со вздохом устремился к Натали. Катрин увиденное

приняла за случайность и выкинула из головы, а если б задумалась, возможно, и разгадала бы тонкую игру известной интриганки Полетики.

– Ах, Таша, – нашёптывала Идалия Наталье Николаевне, – не будь же так жестока к Жоржу. Наш поручик окончательно потерял голову. Не тверди мне о своей любви к мужу, это смешно. Твой поэт и сам никогда не откажется от развлечений, слышала о Долли Фикельмон… старая история, забудем. Пушкин стал ленив, ему теперь и шага лишнего ступить не хочется, всё под рукой в собственном доме, даже любовница…

Натали резко поднялась, шляпка упала с колен, испачкав атласные ленты на затоптанном полу. Ей невыносим был и малейший намёк на отношения мужа с Азей, на фоне нынешнего скандального увлечения Александра Сергеевича его прошлые интрижки почти не задевали. А вот представить сестру в его постели… «Когда же закончится эта мука?!» Жорж подскочил, подняв шляпку с пола, протянул, опустившись на колено:

– Натали, ленты испорчены вконец, – моя вина, не уследил. Позвольте, заказать такую же в салоне мадемуазель Полины.

Она вспыхнула, предлагать на виду у всех подарок замужней даме да ещё предмет туалета, вещь почти интимную, просто неприлично. Так одаривают любовниц или тех, кого желают видеть любовницей. Наталья Николаевна поспешно вырвала головной убор из рук Дантеса, хотела сказать резкость, да остановила строгие слова по своей давней привычке не обидеть. К тому же француз смотрел так преданно, не чувствуя своей вины. Что ж их там, во французских землях, не учат не компрометировать дам?

В палатке императрицы заиграл духовой оркестр, трубы звучали зазывно, и Александра Фёдоровна послала дежурного офицера пригласить всех на бал. Но никто не был готов к танцам, ведь по причине ненастной погоды дамы приехали в закрытых платьях и башмаках. Идалия вызвалась поблагодарить государыню за приглашение и объяснить причину их отказа. Жорж любезно раскрыл зонт над головой г-жи Полетики. Никто не удивился их совместному уходу, Дантес всегда отличался галантностью по отношению к прекрасному полу. Позже они, оставшись вдвоём, бросились в объятья.

– Я устал притворяться, любовь моя, могу ли надеяться, что увижу вас в четверг на Водах, пообещайте хотя бы один танец!

Идалия загадочно улыбнулась своему пылкому возлюбленному, ей нравилось, что она, удерживая Дантеса на расстоянии, вызывала в нём куда более глубокие чувства, чем они могли бы быть в интимной связи. У Полетики уже имелся опыт такой связи: высокий, статный красавец Пётр Ланской, черноволосый, со жгучим взглядом пронзающих глаз. Он не походил на её вечно нерешительного, но болезненно ревнивого мужа. Ланской делал карьеру стремительно и не закулисными играми, а смелостью, умом и благородством. Единственный лишь раз Пётр отступил от своих принципов и стал любовником замужней женщины. Но очень быстро за яркой внешностью, весёлым нравом и очаровательными манерами разглядел завистливую душу «мадам Интриги». Ланской стал отдаляться от Идалики, а его пассия вскоре заметила, на кого с немым восхищением, не смея даже приблизиться, смотрит мужчина, которого она считала покорённым навсегда. Пушкина, эта «Поэтша», как её порой звали в свете, смазливая кукла, не умеющая употребить преимущества, дарованные природой и благосклонной судьбой. Она имела счастье привлечь внимание государя, но не воспользовалась и десятой долей его расположения.

Ах! Окажись Полетика на месте своей провинциальной сестрицы, тогда она не попадала бы в самый хвост длинного списка персон, приглашённых в Аничков дворец на изысканные императорские балы.

Вот с этим сладкоречивым и темпераментным французом, обещавшим од-

ним видом своим райское блаженство, она бы пустилась во все тяжкие, да после недавнего конфуза с безрассудным Савельевым боялась даже малейших слухов. Её отцу достаточно лишь намёка на непристойное поведение Идалики, и из незаконной дочери графа она станет просто мадам Полетикой – супругой «Божьей коровки». А высший свет будет закрыт для неё навсегда. Хоть и кусала она губы от досады, думая об охладевшем к ней любовнике Ланском, но вовремя, ох как вовремя угасла эта связь. Одного не могла забыть Идалия: предпочёл ей милый Пётр Натали, а такое не прощается. Как не спускаются насмешки Пушкина, какими-то неведомыми путями разгадавшего её истинные чувства к своей обожаемой супруге и пытавшемуся отвадить родственницу от дома.

Ныне утешалась Полетика планами мести и чувствами Дантеса. Она умоляла Жоржа держать их любовь в строгой тайне, ведь связь могла навредить им обоим. У него навсегда разрушилась бы карьера, так удачно начатая в России, а она лишилась бы множества привилегий. Идалия умела вскружить голову и, несомненно, обладала даром убеждения, впрочем, признанный ловелас Дантес не особо сопротивлялся, когда возлюбленная предложила сделать первую красавицу Петербурга ширмой их тайной страсти, за которой они всегда могли спрятаться. Вот так непревзойдённая «Мадам Интрига» соединила Дантеса и Пушкиных. Никого не удивила влюблённость Жоржа в жену поэта, ведь какой кавалергард не волочился за прелестной Натали, преклоняться перед ней казалось таким естественным. Дантес, получивший индульгенцию от самой Полетики, принялся с удвоенным усердием ухаживать за Пушкиной. Слишком усердно, как стало казаться Идалии, но сегодня Жорж в очередной раз убедил её в своих неизменных чувствах. Увлечённая мужчиной в кущу деревьев, она наслаждалась его пылкими признаниями и, не отнимая рук, которые красавец покрывал жаркими поцелуями, всё же выспрашивала ревниво:

– Мне кажется, на Водах вам будет достаточно и Натали. Вы не сводите с неё глаз, а она похорошела после родов, так свежа и прелестна.

Жорж оторвался от её рук, чтобы взглянуть с укором:

– Как вы несправедливы и жестоки, любовь моя! Прикажите, и я завтра же не взгляну на неё ни разу.

– А на Катрин? Мадмуазель Гончарова, похоже, тоже входит в область ваших артиллерийских обстрелов!

– Полноте, Идалия, ваша ревность не оправдана. Я прекращу ездить к ним прямо с сегодняшнего дня!

– Право, экий вы вспыльчивый, Жорж!

– Люблю вас!

Она лишь на мгновение позволила прикоснуться к своим устам и тут же заторопила, тревожно оглядываясь:

– Мы отсутствуем слишком долго, нас могут хватиться. Будем же осторожней, мой милый Жорж, поспешим к императрице! И помните, говоря любезности Натали, не забывайте про её поэта, он невыносим, когда дело касается его собственности.

– Не весь ли его гарем имеете в виду, моя царица?

Идалия шлёпнула шутливо кавалера сложенным веером, ей всегда нравились его забавные шутки, хотя многие считали их плоскими и отдающими казармой. Нет, Жорж Дантес был в её глазах куда глубже и интересней обычного пошляка, а слухи о грязной связи отца и приёмного сына только будили воображение и бурный темперамент Полетики. О, если бы не проницательность её мужа, который лишь на службе так безобиден и кроток, а в их семейной жизни ревнив и подозрителен! Да кабы не вспыльчивый отец и мнение двуличного света, кому-то позволяющему любые вольности, другим же не прощающим даже малейшего проступка. А про Пушкина она напомнила своему обожателю недаром, от этого потомка мавров можно ожидать любого скандала,

вспыхивает он мгновенно, когда дело касается обожаемой жёнушки. Год ещё не кончился, а этот забияка уже дважды посылал вызов на дуэль. Друзьям удалось уладить дело миром, но повезёт ли так Жоржу, ведь он тоже горяч и безрассуден. Идалия вновь ласково прильнула к Дантесу, подумав, не будь он ей столь дорог, она б с удовольствием столкнула лбами ненавистного Пушкина с блестящим кавалергардом. А кто бы вышел из дуэли живым, пусть определяет судьба.

* * *

Вновь зарядили дожди, теперь уже нудные и холодные, задули северные ветра, и прежде приятное и уютное проживание на даче окончательно потеряло свою привлекательность. Сырые комнаты невозможно было прогреть, затхлость и промозглость ощущались не только в помещениях, но и в воздухе. Дети шмыгали носами, и семейство принялось за сборы, готовясь к возвращению. Пушкин отправился в город по делам, среди которых наметил заехать на квартиру и предупредить слугу Никиту о скором приезде. Камердинер ждал его с неприятной вестью. На дачу Александр Сергеевич вернулся в возбуждённом состоянии, Натали от него и двух слов добиться не могла, в конце концов, муж бросил раздражённо:

– В дом Баташёва мы не вернёмся, управляющий там редкий негодяй. Дай мне ещё два дня, Наташа, я сниму новую квартиру.

Подходящее жильё нашлось на Мойке близ Конюшенного моста в доме княгини Волконской. Оплата за нижний этаж в одиннадцать комнат в четыре тысячи триста рублей в год и бесконечная потребность в деньгах на другие нужды заставили Александра Сергеевича в очередной раз занять у ростовщика десять тысяч под высокие проценты.

Наталья Николаевна вновь пробежалась глазами по списку, в который внесла все затраты для её большого семейства на неделю – покупки у булочника, зеленщика, в мясной и мелочной лавках, у молочника. У купца Богомолова следовало приобрести разных гастрономических припасов, кои он часто давал в долг. Приписала дрова, так как сырость в комнатах становилась невыносимой, а раньше обходились лишь топкой печи на кухне. Внесла неизбежные заказы у господина Рауля во французском погребе, где непременно надо приобрести бордо и ликёра. Сам Пушкин пил редко и немного, но в доме часто бывали гости. Как не крути, но средств на перечисленное не хватало, а нужно было ещё подумать об обновлении гардероба на осень, и вот-вот начнётся сезон с маскарадами, придворными балами, на которых не покажешься в старом платье. С досадой вспомнилось, что у Пушкина найдётся немалый список с расходами на типографию, литераторов, печатающихся в журнале, на Английский клуб и ещё десяток мелочей, необходимых мужчине их круга в столице. Она предпочитала не думать об уже скопившихся долгах, и без них было от чего пасть духом или решиться на переезд в деревню. Там на балах, лишённых столичного лоска, она и в прошлогодних платьях могла блистать средь провинциальных дам и барышень. Но государь не позволит, ему нравится любоваться ею на придворных приёмах, и он не упустит возможность пройтись с первой красавицей Петербурга в торжественном полонезе. И тут ничего не поделать, только искать денег на безумно дорогое удовольствие – кружиться на балу в Аничкове в платье за полторы-две тысячи и продолжать вести светскую жизнь. На первое время она бы обошлась суммой, присланной братом, но он задержался с деньгами, и Натали села писать Дмитрию Николаевичу.

«А теперь между нами, дорогой брат. Я только что кончила письмо твоей жене и начну своё письмо с того, что вымою твою голову. Это так-то ты держишь слово, негодный братец, ты мне послал, не правда ли, моё содержание к 1 сентября?.. Впрочем, я прошу об этом

только если это тебя не стеснит, я была бы очень огорчена увеличить твои затруднения».

Затруднения увеличивались не только у Дмитрия Гончарова, но и у Александра Сергеевича. С переездом в столицу поползли вверх долги, а с ними росло раздражение от невозможности жить экономней и спокойней. Но более всего Александр Сергеевич не выносил докучливых визитёров, многих из которых не хотел бы пускать на порог. Только большинство посетителей являлись гостями барышень Гончаровых, а ещё воздыхателями Натали и среди них, конечно же, поручик Дантес, теперь именуемый бароном Геккерном.

Дантес стал завсегдатаем вечеров у Пушкиных и под бдительным взором Идалии демонстрировал всё возгорающуюся страсть к Наталье Николаевне. С другого же угла гостиной с него не сводила ревнивого взгляда безнадёжно влюблённая Катрин. «Мадам Интрига» могла быть довольна, за ширмой по имени «Натали» они с Жоржем обменивались незаметными, но пламенными взглядами, в душе посмеиваясь над наивностью окружающих. Только с некоторых пор посмеивалась Идалия в одиночку, красота и женское обаяние Натальи Николаевны сделали своё дело, и Дантес увлёкся не на шутку. Его ухаживания становились не просто назойливыми, но и всё более неприличными, что пугало Натали, заставив её отказаться от прежнего кокетства. Но француза было не остановить. Теперь он появлялся повсюду, где бывала или должна была появиться мадам Пушкина, и сёстры меж собой стали подшучивать над фантастической осведомлённостью новоиспечённого барона Геккерна.

Они не догадывались, что намерения дерзкого поручика носили фривольный характер, он желал добиться близкого расположения Натали, а попутно не пропустить и жгучую брюнетку Катрин Гончарову. Знаток женщин, Дантес не мог не заметить, что старшая из сестёр – барышня, чем-то похожая на некоторых милых его воспоминаниям соотечественниц-француженок, такая же смуглая и темноглазая. Рядом с ослепительной красотой мадам Пушкиной Катрин уходила в тень, тушевалась, но он был в силах заставить этот цветок блеснуть. В ней чувствовался темперамент, страстность вакханки пробивалась сквозь слегка опущенные ресницы, когда она тайно следила за ним. Хороша и Александрина, если бы только не крупные, несколько тяжеловатые формы носа, подбородка и скул. Она словно копия прекрасной своей сестры, но слепленная рукой неумелой и грубой. В остальном обе девицы остроумны, веселы, грациозны и приятны в общении. Проводить время в их обществе, любуясь Натали – этой северной звездой, столь же яркой и недоступной, как её спутники на небе, – удовольствие, в котором молодой барон не желал себе отказывать.

– Опять этот французишка волочился за тобой, – пренебрежительно заметил Пушкин, поутру войдя в будуар к жене.

Он был в своём любимом красном архалуке с зелёными клеточками, который делал его похожим на едва пробудившегося восточного вельможу, не хватало лишь турецкой фески. «Паша», – пришла на ум Наталье Николаевне шутка Дантеса. – «Трёхбунчужный паша!»

– Отчего ты не появился в театре? – спросила она, увиливая от ответа.

С некоторых пор ей не хотелось докладывать Пушкину о каждом своём шаге и разговоре, как он требовал всегда. Её отчёты напоминали рапорты маленькой нашалившей девочки, а она давно не то дитя, что он вёл под венец. У каждой светской дамы должна быть тайна, свой мир, закрытый от других, особенно от мужа. Так ей говорила тётка, а в ещё более откровенных выражениях внушала кузина Идалика.

– Азя достала ложу, места хватило бы всем.

– А кто заплатил за ложу?

Вопрос мужа поймал врасплох, она

не задумывалась об этом, решила, что билеты прислала тётка или кто-то из их общих хороших знакомых. Но теперь почти угадала, что ложу им предоставил новоиспечённый барон Геккерн, называемый ими по привычке Дантесом. Ныне сын состоятельного голландского посланника мог позволить и не такие траты. Так вот откуда вчерашняя осведомлённость Жоржа об их появлении в театре! Натали опустила пуховку в круглую коробочку с пудрой, передумала наводить лоск с утра, со своим цветом лица она могла позволить себе остаться естественной.

– Азя доставала ложу, у неё и спроси… Или ночью было не до того?

Взглянула в зеркало на лицо мужа, на бешено раздувшиеся крылья носа и испугалась, ведь впервые позволила столь откровенный намёк на отношения Саши с сестрой. Что, если сейчас разразится дикий скандал? Пушкин наклонился ниже, почти задевая губами её щёку, процедил тихо:

– Это ты надумала, когда перед сном вспоминала все любезности своего кавалергарда, жалела, что нет рядом его?

Слова еле слышные, а хлестнули как пощёчина, и дверь за мужем захлопнулась с треском, чуть не сорвавшись с петель. Натали уткнулась лицом в ладони, заплакала. Ей непозволительно даже ревновать, а ему?! Почему-то разом вспомнились все увлечения Пушкина, и женщины, кому посвящал свои стихи в далёкой молодости, чьи профили и ножки рисовал на полях рукописей. А больше те, с кем любил советоваться, кому нёс свои мелко исписанные листы на суд. Поначалу она просила показать только что родившиеся строфы ей, хотела стать первой, кто услышит перлы, которыми позже станут восхищаться все. Пушкин смеялся над её просьбами: «Твоего ли это ума, жёнка?» И уносил стихи, поэмы, сказки к тем, кого считал рассудительней, достойней оценить, понять.

Она со временем смирилась, перестала просить, да и семейные хлопоты затянули, времени уже не оставалось интересоваться сочинениями мужа. А там расширился круг знакомых, визиты с утра до вечера, прогулки, светские забавы и развлечения, театры, выставки, рауты, балы. И восторженный рой поклонников: от юнцов, вздыхающих издалека, до сановных старцев, целующих ручку и проговаривавших комплименты дребезжащим голосом. А Пушкин за эти годы словно перегорел и как будто не замечал её ещё больше раскрывшейся красы, женского обаяния. Если поцелуи, то мимоходом, и комплименты затёртые, дежурные, он всё чаще стал замечать недостатки: «Что-то бледна сегодня», «Оплыла ты, ангел мой, не брюхата опять?» Но перед знакомыми, особенно новыми, хвастался ею, словно вещью или картиной какой: «Моя Мадонна!» Думала про Пушкина, а он тут как тут, – вернулся, присел на корточки, поцеловал сначала руки, потом притянул опущенную, гладко зачёсанную головку:

– Прости, Таша, не сдержался. Зачем же плакать? Не могу видеть слёз твоих. Давай сегодня отправимся на выставку к художникам, только вдвоём – ты, я и картины. Устал от визитёров пустозвонных.

– Давай, – шепнула она и отёрла лицо ладонями. Как-то сразу и обида прошла, только нежность к нему, такому вспыльчивому и неуравновешенному, захлестнула окончательно от торопливого пояснения:

– Всю ночь писал, так и уснул в кабинете одетым. Сейчас бы по выставке погулять без суеты, без лишних лиц, душой там отдохнуть.

«Значит, писал, а она сморозила глупость. Тут впору ей просить прощение, а не ему!»

– Конечно, пойдём, Саша, – произнесла она. – Позавтракаем и пойдём. Вчера из имения варенья прислали.

– Какого?

– Любимого твоего, из крыжовника, – улыбнулась Наталья Николаевна.

– Ангел мой! – обрадованно поднялся Пушкин, помогая и ей встать из кресла. – Уж какую неделю мечтаю о кры-

жовниковом, чтоб с белой булкой или маковым калачом.

На выставку Наталья Николаевна надела платье из чёрного бархата с корсажем, на котором переплетались шёлковые тесёмки и изысканные кружева. На голову – большую соломенную шляпу со страусовым пером, на руки натянула длинные белые перчатки. Пушкин залюбовался, она это видела и подумала, что тётка Катерина угодила новым прелестным туалетом. И чтоб они делали без её помощи и таких своевременных подарков, у мужа денег на её наряды не хватало, если только на обыденные вещи – домашние платья, сорочки, халаты, перчатки, да прочую мелочь. Натали недавно заглянула тайком в расходную тетрадь Пушкина и ужаснулась: долгов набегало за семьдесят тысяч, если ещё всё записано. Но сейчас она не хотела вспоминать о неприятных моментах, лучше наслаждаться восхищением в загорающихся особым светом глазах мужа, купаться в его любви, отодвигая в сторону всё и всех. Она протянула изящную руку в белой перчатке:

– Идём, Саша, пока никто не нагрянул.

Осенняя выставка в Академии художеств Александра Сергеевича оживила окончательно, – заблестели глаза, повеселело лицо. Он как ребёнок радовался каждому удачному на его взгляд полотну, восклицал, хвалил вслух. Вскоре, прослышав про приезд Пушкина, сбежались в античную галерею молодые художники и ученики Академии. С каким восторгом они окружили любимого поэта, стоявшего перед картиной пейзажиста Лебедева. Добровольные экскурсоводы не выпускали их обоих, показывая работу за работой, и с упоением внимали каждому слову своего кумира. Натали и на себе ловила восхищённые взгляды, но уже иного толка, красивая женщина – она тоже, как произведение искусства. Как ваза, например, или картина…

Далось же ей это сравнение с картиной! Просто сейчас, не в светском чопорном салоне, а среди искренних молодых людей увидела она вдруг, что такое для них всех Пушкин. А она всего лишь жена поэта – Поэтша, которой он даже не показывает своих стихов! И снова обида навалилась, настроение испортилось, назад ехала, не проронив ни слова, всю дорогу говорил один он, что-то восторженное, вспоминал, кажется, Брюллова. А Пушкин, впечатлённый посещением выставки и проявлениями искренней любви молодых художников, припоминал московскую сцену, которую уже описывал когда-то жене в письме, но уже забыл об этом:

– А Перовский, душа моя, показывал мне недоконченные работы Брюллова и ругал сбежавшего от него таланта самым оригинальнейшим образом. Он тыкал рукой во «Взятие Рима Гензериком» и причитал: «Заметь, как прекрасно, подлец, нарисовал этого всадника, мошенник такой. Как он умел, эта свинья, выразить свою канальскую, гениальную мысль, мерзавец он, бестия». Я не мог удержаться от смеха! Ты ведь помнишь Карла Павловича, Наташа? Он же бывал у нас.

Она заставила себя повернуть голову, вымученно улыбнулась:

–Ты забыл, вы явились далеко за полночь, откуда-то с дружеской пирушки и, кажется, сильно навеселе. Нянюшка говорила, ты детей сонных по одному таскал в прихожую показывать своему гостю. Ты и меня выволок бы в одной сорочке, но, видимо, остерёгся.

Пушкин смущённо потёр щёку с кудрявившейся бакенбардой:

– Ну, что ты, Наташа, мне просто стоило огромного труда заманить Брюллова к нам, он редко куда выходит, после чудного климата Италии ему в Петербурге холодно и неуютно. А про тебя я говорил Карлу Павловичу не раз, так и сказал: «У меня, брат, такая красавица-жена, что будешь стоять на коленях и просить снять с неё портрет».

Казалось, похвалил, сделал комплимент, а Натали взвилась:

– Я не статуя для обозрения, Александр Сергеевич, я – живой человек! Не хочу, чтобы меня демонстрировали

каждому заезжему молодцу! И не до портретов нам сейчас, денег на самое необходимое нет, тебе уж скоро в долг будет не у кого взять!

Гнев вспыхнул и испарился, оставив между ними тягостное молчание, оно, словно барьер, разделило их, сидевших в одной коляске. Наталья Николаевна пришла в ужас, ведь уже второй раз за день не сдержалась и поссорилась с мужем. Куда только девались её выдержка и природная застенчивость! Хотела сказать «прости», но слово застряло в горле, стиснутом спазмом близких рыданий. Слёзы могли испортить всё ещё больше, Натали скрепилась через силу, протянула руку, затянутую в перчатке, робко коснулась его вздрогнувшей ладони. Пушкин к ней не повернулся, она видела лишь часть его лица и тугие желваки на загорелых скулах.

Вернулись оба в прескверном расположении духа и, не сказав друг другу ни слова, разошлись, она в свою комнату, он – в кабинет. Екатерина проследовала вслед за сестрой.

–Таша, завтра к обеду нас ждут у Карамзиных в Царском Селе.

Наталья Николаевна бросила шляпу на столик, устало потёрла затылок. Начинала болеть голова, а недомогание могло продлиться долго и не закончиться до визита к Карамзиным. Завтра у Софьи Николаевны день ангела, а эта старая дева крайне язвительна и злоязычна. Пушкин у Карамзиных непременно будет, он любил семейство покойного историографа, знался с ними ещё в юности. Но если Александр Сергеевич появится на празднике без неё, у Софи возникнет бездна догадок для предположений и сплетен. Натали старшую дочь Карамзиных недолюбливала, но никогда не показывала своего истинного отношения. Остальные члены семейства слыли людьми приятными и открытыми, а вечера у них всегда отличались простотой и непринуждённостью. У Карамзиных не приветствовались разговоры на французском языке, и в карты у них не играли, а любили беседовать о литературе и на всякие интересные темы. Там подавали умные, откровенные и задушевные беседы, как основное блюдо, а на десерт умели изрядно повеселиться и отдать должное внимание танцам. Ну, а где танцы, туда непременно явится Дантес, Жорж не пропускал вечера у Карамзиных, особенно если там бывала она.

* * *

На следующий день, в четверг, отправились к Карамзиным в полном составе. Лето те провели в Царском Селе и пока не вернулись в город. Дорога напомнила Александру Сергеевичу о лицейской юности, здесь он всё исходил пешком. Проехали по Садовой улице, которая неширокой полосой убегала вдаль, с одной стороны её обрамляли канал с водой и зелёная стена старинного парка. Канал со своими каменными уступами и маленькими водопадами служил великолепным украшением для улицы, с другой стороны которой имелись лишь каменные строения – конюшни, манеж, оранжереи и «кавалерские» домики. В одном из таких жил когда-то придворный историограф Карамзин. Но сейчас его семья снимала дом на соседней улице.

К праздничному обеду явились обычные завсегдатаи – братья Россеты, Жуковский, Голицын, Скалон, Сергей Мещерский, Поль и Надина Вяземские и вездесущий Дантес. Блюда, поданные гостям в несколько перемен, оказались выше всяких похвал, напрасно хозяйка Екатерина Андреевна волновалась и переживала. Обед был превосходный, как и послеобеденное время, проведённое за приятными и весёлыми разговорами. Близкие друзья посмеивались над именинницей:

– Самовар-паши, неси чаю!

Такое прозвище Софья Николаевна получила за обязанность разливать вечерний чай. Она смеялась вместе со всеми, поблёскивая большими выразительными глазами. Софи Карамзина давно уж считалась старой девой, годы её перевалили за возраст Христа.

Она числилась фрейлиной при императорском дворе, но появлялась там не чаще Екатерины Гончаровой, которая за неимением приличествующих её положению платьев вынуждена была пропускать большинство мероприятий в Аничкове и Зимнем. Софья, отличавшаяся острым умом, насмешливым, а часто и язвительным нравом, примечала за гостями любое несоответствие, тайный взгляд и вздох, делая свои проницательные, а порой и беспощадные выводы.

Вот и сейчас она при взгляде на Геккерна, которого продолжала упорно величать Дантесом, искривила саркастически губы. Жорж хоть и не отходил всё это время от Катеньки Гончаровой, но нежные взгляды бросал на Натали, печальную с самого приезда. Жена Пушкина за весь день не улыбнулась ни одной шутке, впрочем, она всегда такая – равнодушная ледышка! Софи перевела взгляд на Александра Сергеевича и вздохнула. Нет, эта чета решительно желает испортить её праздник! Пушкин так тосклив, задумчив и чем-то озабочен, что наводит хандру на всякого, кто на него посмотрит. А эти его блуждающие дикие взоры то на Дантеса, то в сторону жены, так и попахивают Шекспиром и мавританскими страстями. Слуга доложил о приезде новых гостей, до ревнивых ли тут метаний Пушкина?! И всё же Софи вырвала минутку, на правах хозяйки и именинницы вызвала француза на разговор. В укромном уголке потребовала объяснений:

– Вы со мной не откровенны, милый барон, так в кого же вы влюблены – в Натали или Катрин?

Жорж рассмеялся, как всегда, шаловливо:

– Когда вы рядом, я влюблён только в вас, прелестная Софи!

Говоря свои комплименты на французском, Жорж казался неотразимым, и всегда острая на язык Софья Николаевна не нашлась, что ответить, лишь погрозила ему пальчиком и перевела разговор на другое – напросилась на танец. А после удовлетворённо расправила веер, подумала, что, заняв Дантеса, хоть немного успокоит Пушкина. Был ещё один способ отвлечь ревнивца: прибывшая в числе последних гостей дочь канцлера Кочубея графиня Строганова. Блистательная Наталья Строганова являлась первой лицейской любовью Александра Сергеевича и не так давно приехала в Петербург из Харькова, где её супруг, сводный брат Идалии Полетики, служил генерал-губернатором. Софи отыскала Пушкина среди гостей и, по-свойски взяв его под руку, кокетливо протянула:

– Александр Сергеевич, отчего вы не подойдёте к Наталье Викторовне? Я уверена, что графиня жаждет переговорить с другом своей юности.

Пушкин покраснел. Она не знала, из-за чего: потому ли, что ему претило всякое раболепство, а генерал-губернаторша была лицом значительным; или поэту вспомнились дни его влюблённости, а обольстительная графиня могла воспламенить угасшие чувства. Что было на душе у Пушкина, любопытствующей Софи оставалось только гадать. Александр Сергеевич направился в сторону гостиной, где сидела Строганова, но вдруг вернулся:

– Нет, не могу.

– Что такое?

– Там уже сидит этот граф.

– Какой граф?

– Дантес, Гекрен, что ли!

И столько раздражения прозвучало в голосе Пушкина, что Софи окончательно отказалась от попытки хоть немного изменить ситуацию.

А в разгар вечера Дантес уже кружил в мазурке Натали. И она – изящная, божественно прекрасная в розовом платье то легко неслась в танце с бароном вперёд, глядя на кавалера через немного приподнятое своё плечо, то грациозно кружилась вокруг мужчины, когда он с готовностью падал на одно колено. Зачаровывающая всех пара невольно заставляла любоваться ими и отмечать, как прелестно они смотрелись вместе: оба высокие, статные, красивые и молодые. Все наслаждались видом их тан-

ца, один лишь Пушкин стоял напротив в дверях молчаливый, угрожающий и бледный, как сама смерть.

* * *

Ближе к концу сентября наконец была закончена и частично переписана набело «Капитанская дочка». Пушкин отправил половину рукописи цензору Петру Корсакову на рассмотрение с сопроводительным письмом, где просил сохранить в тайне имя автора. Неудача ли «Истории пугачёвского бунта» подвигла поэта к такому решению или какие другие расчёты, осталось неизвестным.

Поэт продолжал писать статьи, бороться с денежными затруднениями, он уже в те дни едва ли видел выход из долговой ямы, куда его толкала дорогая петербургская жизнь, постоянные займы и растущие проценты. Множество разочарований, горьких поражений лежало позади, а сколько разбитых надежд ещё ожидало его! Вместе с тем росла пропасть непониманий и обид между супругами, пустая суета шумного света с его обязательными увеселениями, раутами и балами выводила Пушкина из себя.

Накануне в воскресенье он с Натали и свояченицами был приглашён «на чай» к Марии Валуевой. А там неизбежный, сделавшийся уже тенью Натали барон Дантес. Перед сном он потребовал ответа у жены:

– Что тебя заставляет кокетничать с этим дамским угодником?

Наталья Николаевна вскинула непонимающие глаза:

– С бароном у меня отношения, не превышающие правил приличия. Тебе не в чем меня упрекнуть.

– Не в чем упрекнуть?! Да ты готова туфли до дыр протереть, отплясывая с ним!

– С кем же танцевать, если ты отказываешь мне даже в такой малости?!

Пушкин в раздражении хлопнул дверью, ушёл в кабинет работать, а после остаться там ночевать. Показал Наташе таким шагом своё недовольство, а на деле ревность, кажущуюся жене необоснованной и несправедливой. Он и сам до конца не понимал, что так гложет его, почему десятки других поклонников жены не тревожат его. Он спокойно наблюдал за ухаживаниями очарованных его супругой воздыхателей, порой посмеиваясь над ними или по-отечески журя, как когда-то журил его покойный Карамзин в пору юношеской влюблённости Пушкина в жену Николая Михайловича – Екатерину Андреевну. Теперь он сам, умудрённый жизнью и возрастом, мог смотреть немного свысока на молодых и пылких поклонников первой красавицы Петербурга. На всех, кроме Дантеса, бесившего его своей бесцеремонностью, наглостью и вызывавшего беспокойство из-за ответных чувств Натали. Она могла отрицать сколько угодно, но Александр Сергеевич угадывал влечение молодой женщины к этому весёлому поручику, шутившему и проказничавшему там, где он, муж, выглядел суровым ревнивцем. И её упрёк по поводу танцев был справедлив: Пушкин не любил на балах находиться рядом с женой, слишком уж невыгодно выглядел рядом с высокой, стройной прелестницей. Зато Дантес смотрелся рядом с Натали великолепно, и лишь слепой мог это отрицать. Свет имел мнение, что Наталья Николаевна и Жорж Геккерн могли быть прекрасной парой, а Пушкин всегда восставал против мнения высшего света. Он метался в этой удушающей атмосфере с подлыми шепотками за спиной, как зверь в клетке, лишённый свободы творчества, загнанный в капкан денежных расчётов, о которых он постоянно должен был думать. А поэт хотел творить, писать так, как хотелось ему, о чём думал и мечтал, сочинять и издаваться не стеснённый цензурой и злобными нападками врагов!

Шли дни, и вот осталось позади празднование вместе со старыми товарищами 25-летия Лицея. Пушкин не смог пропустить столь знаменательного события и встречи с друзьями юности, среди которых он вновь становился мо-

лодым, весёлым, шумным, полным сил и планов. Он посвятил Лицею пьесу, но принёс её незаконченной. Вынув свёрнутый лист из сюртука, поэт взглянул на ожидавшие прочтения лица товарищей «святого братства», помолчал немного. Тишина воцарилась в гостиной и в этой атмосфере единения и любви Пушкин начал дрогнувшим голосом:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался…

И вдруг слёзы полились из глаз поэта, он отложил лист и ушёл в угол комнаты на диван… Всё было в слезах его: тоска по дням, которые не повторятся; напряжение последних месяцев; сожаления и разочарования чувствительной, мучающейся и мятущейся души. Кто-то из товарищей дочитал тогда за него «лицейскую годовщину»…

Екатерина Андреевна Карамзина писала сыну Андрею, лечившемуся за границей, рассуждала о «Современнике» Пушкина: «Постараюсь выслать тебе 3-й том, который недавно вышел. Все говорят, что он лучше остальных и должен вернуть популярность Пушкину. Я его ещё не видела, но нам кое-что из него читали – там есть прекрасные вещи от издателя, очень милые Вяземского и неописуемая нелепица Гоголя «Нос».

От второго сына – Александра ей доставили записку из казарм, чтобы не ждали к завтраку, он отправился с ранним визитом к Пушкиным, где по-свойски собирался перекусить. А Наталья Николаевна с утра хлопотала особо: велела кухарке напечь блинов со свёклой, а дядьку Антона отправила в трактир за варенцом. Все блюда были любимы Александром Сергеевичем. В дверь его кабинета она постучала тихонько и толкнула несмело. Саша уже проснулся, лежал на диване, закинув руки за голову, стол завален книгами, исписанными листами – опять полночи работал. Он подвинулся неохотно, когда она присела на край дивана, немного потеснив его.

– Как прошла твоя встреча с товарищами вчера?

– Я вернулся, кажется, не поздно, могла проявить интерес перед сном.

Наталья вздохнула, расправила кашемировую шаль, потом стянула её решительно с плеч:

– Саша, деньги опять кончились, я подумала, не заложить ли шаль? Она почти новая…

Он положил ладонь на тонкие пальцы жены, нервно теребящие шёлковую бахрому:

– В комнатах холодно, как ты без шали?

– Обойдусь, Сашенька, у меня и старая есть, греет не хуже.

Он, наконец, улыбнулся, притянул её к себе, устроив голову жены на своей груди:

– Как же моя первая красавица будет встречать своих гостей в старой шали? Постараюсь выкрутиться, Таша, а за продуктами пока пошли в другую лавку, где долгов нет. И чем там с кухни пахнет, не блинами ли?

– Унюхал! – рассмеялась она. – А я хотела сюрприз сделать, и варенец сейчас Антон доставит. А блины твои любимые, свекольные.

Натали ойкнула от неожиданности, когда он опрокинул её на подушки, зацеловал так, что не вздохнуть, зашептал что-то возбуждающее. Она прервала его смущённо:

– Что ты, Саша, вдруг зайдёт кто-то, да и первый визитёр уж сидит в гостиной, с Катенькой беседует.

– Чёрт бы их побрал, этих ухажёров! – нешуточно взорвался Александр Сергеевич. – Кого там в такую рань принесло?!

Наталья поднялась с дивана, поправила растрепавшуюся причёску, пока ещё простую, незамысловатую с утра.

– Карамзин.

– А-а! Сашка! Ну, этот пусть! – Пушкин махнул рукой. – Около Катрин увивается? Так, может, Таша, неспроста, глядишь, и сложится пасьянс?

– Куда там, – вздохнула Наталья Николаевна, – чувств я не замечаю ни с

той, ни с другой стороны. Да и старше Катенька Александра, ей бы жениха посолидней с её-то возрастом.

– А ещё характер бы обтесать свояченице, больно на язык не воздержана и зла, – пробурчал Пушкин. – Ты ступай, Наташа, займи пока гостя, а я к столу выйду, почту только просмотрю.

– Иду. Только знаешь что, Саша, давай не будем больше ссориться?

Он посмотрел внимательно на потупившую глазки жену и поцеловал её в лоб:

– Хорошо, ангел мой, не будем. Ступай с богом.

Натали искренне уверовала, что после этого разговора всё у них наладится, и она станет строже к Дантесу, если уж кавалергард так не нравится Пушкину. В наивности своей она не знала, что у Жоржа были на неё другие планы, и куда более коварные каверзы строила милая кузина Идалика. Шёл октябрь 1836 года.

* * *

Наталья Николаевна с треском захлопнула веер:

– Я советовала бы вам, Жорж, обратить свои взоры на незамужних барышень и больше не докучать мне своим вниманием!

Ей было непривычно отчитывать настырного поклонника, но глаза молодой женщины словно открылись. Натали как будто увидела со стороны, до чего неприлично настойчив Дантес и благосклонно её поведение. В своём желании досадить мужу она зашла так далеко, что оказалась в шаге от скандала. Теперь г-жа Пушкина пыталась выбраться из ситуации, в которую её загнала ревность и уязвлённая гордость замужней женщины, заподозрившей мужа в измене. В яму эту можно было упасть самой и увлечь за собой многих, в том числе самых близких и дорогих.

– Вы несправедливы ко мне, Натали…

– Наталья Николаевна! Зовите меня так и не иначе! – Её голос зазвенел и несколько лиц, кто с удивлением, а кто с любопытством, повернулись в их сторону. Она заговорила тише, а оттого куда-то улетучилась строгость, а осталась лишь мольба: – Имейте ко мне уважение, месье барон, ваши чувства не дают право компрометировать замужнюю даму. Мой муж…

– Ах! Ваш муж! Этот безобразный ревнивец.

– Не забывайтесь, месье Дантес!

– Вы давали мне столько знаков внимания, и я надеялся на ваше особое расположение…

– Прошу прощения. – Михаил Юрьевич Виельгорский склонился перед ней. – Наталья Николаевна, осмелюсь напомнить об обещанном танце.

– Конечно, граф! – Она приняла протянутую руку доброго приятеля мужа с поспешностью, которую не преминул заметить Дантес.

Кавалергарду она кивнула небрежно, прощаясь, и то лишь из необходимости соблюдать правила приличия. Красавец-поручик густо покраснел, увидев, что непривычную с некоторых пор холодность Натали к нему отметили в этот вечер многие.

– Вы спасли меня, Михаил Юрьевич, – с облегчением шепнула молодая женщина, когда добродушное румяное лицо партнёра приблизилось к ней.

– Надеюсь, вы простили мою маленькую ложь, ведь вы не обещали танцевать со мной? – с улыбкой заговорщика уточнил граф.

– Вы подошли вовремя, и я бесконечно обязана вам.

Он видел, она не кривит душой, и всё же в первую очередь подумал о Пушкине: «Большая удача, что супруг прелестной мадам не присутствует на вечере, иначе бы случился скандал! А так, дай бог, пронесёт!»

Граф Виельгорский считал Пушкина добрым другом. Царедворец, меценат, философ и эпикуреец, он был дружен со многими, но к дружбе, как и к жизни, относился с некоторым легкомыслием. Кружа красавицу в танце, Михаил Юрьевич и не подумал по-отечески предосте-

речь Натали, а она, вернувшись домой, поведала Александру Сергеевичу о своём разговоре с Дантесом. Ей думалось, что она представляет мужу доказательства супружеской верности и искренности своих намерений, не замечая его угрюмости и мрачности. Какая-то страшная мысль уже зрела в голове Пушкина, а Натали с простодушием ребёнка лишь подливала масло в огонь.

Совсем в другом настроении вернулся в дом Геккерна Жорж Дантес. Молодой барон был в бешенстве, стягивая с себя батистовую рубашку, он в ярости разорвал дорогую материю и зашвырнул уже бесполезные лохмотья в угол. Вошедшему в спальню голландскому посланнику он громко объявил:

– Я решил жениться, дорогой отец!

Сухощавый Луи Геккерн удивлённо приподнял брови, в тёмном с золотыми узорами домашнем халате из атласа помпадур его высокая, прямая фигура выглядела, словно закованной в блестящие латы. Он редко видел своего приёмного сына в таком раздражении и посчитал нужным немного успокоить его:

– Ты волен сам принимать решения, милый Жорж. Но надеюсь, ты поделишься со мной и назовёшь имя своей избранницы?

– Сообщу, как только решу, кто она будет!

– Вот как! – Высокий лоб барона рассекла задумчивая складка. Не так он представлял жизнь со своим мальчиком, но очень уж привязался к нему и привык потакать капризам любимца. – Кто тебя так расстроил, дорогой?

– Мадам возомнила, что может пренебречь мной! Она предпочла мне своего уродливого мужа-коротышку, который не в силах дать ей достойное содержание, но считает возможным делать её беременной каждый год! Отец, невыносимо думать, что она никогда не будет принадлежать мне!

Жорж бросился в кровать, зарыдав так отчаянно, что остановил строгую отповедь, уже готовую сорваться с губ Геккерна.

– Я не думал, что всё так серьёзно. Но позволь, мой милый, ещё недавно ты был влюблён в дочь графа Строганова мадам Полетику!

Дантес оторвал мокрое лицо от подушки:

– Я, может, и сейчас люблю её, но вовсе не так, как Натали. Идалия сама толкнула меня к мадам Пушкиной. А она… она, барон, разбудила во мне огонь, и я или сгорю в нём, или…

– Или женитесь, – поспешил докончить Геккерн.

Он не хотел и слышать слов о самоубийстве, которые, возможно, хотел произнести возлюбленный сын его. Молодые люди так часто бросаются беспечными клятвами, желают расстаться с жизнью из-за малейшей преграды. А между тем барон, наблюдавший в эти месяцы за отношениями Жоржа с Натали, был уверен, что красавица отвергла его сына лишь из кокетства. Она влюблена не менее самого Жоржа и стоит только немного подыграть, и сын получит желаемое. А вот женитьба – это серьёзно, для брака нужно подобрать блестящую партию, девушку из влиятельного семейства, чтобы карьера мальчика в России складывалась удачно.

На следующий день в свете заговорили о планах молодого барона Геккерна жениться, и не одно девичье сердечко встрепенулось радостно. Уже 24 октября прелестная княжна Мария Барятинская записала в своём дневнике: «И *maman* узнала через Трубецкого, что его отвергла госпожа Пушкина. Может быть, поэтому он и хочет жениться. С досады! Я поблагодарю его, если он осмелится мне это предложить...»

Пожалуй, не только нежная мечтательница Мария, девушка с чудесными золотистыми косами, трижды обвивавшими её очаровательную головку, была готова стать женой красавца-француза, несмотря на его видимую одержимость Натали. В доме самих Пушкиных исходила ревностью Катрин, в один из вечеров она решилась на отчаянный шаг и отправила записку Дантесу: «Вы проси-

ли доказательств моей любви, я готова их дать!»

Записка пала на благодатное поле, уязвлённый Жорж зацепился за возможность досадить и отомстить жестокой возлюбленной, он снял квартиру и назначил тайное свидание Катрин Гончаровой. Ему было совсем не трудно добиться от перезрелой девицы того, что он желал получать от её прекрасной сестры. Ещё один узел завязался в запутанной истории.

Жорж перестал бывать на вечерах, где появлялись Пушкины, опасаясь новых унижений. Но его отец не видел для себя препятствий, он находил возможность появляться около Натали в редкие минуты её одиночества, чтобы нашептать о бедном, несчастном влюблённом, запершем себя в доме и безмерно страдавшем. «Если бы вы могли облегчить мучения Жоржа», – нашёптывал сластолюбивый старик. Натали в замешательстве бежала прочь, считая барона за сумасшедшего и скрывая его пошлые уговоры от всех. А Дантес, лишённый возможности продолжать прежние отношения с очаровавшей его женщиной, слал письма, то полные любви, то горьких упрёков, то страстных признаний. Наталья Николаевна не отвечала, но письма хранила. В них она находила признание своей красоты, женственности и обаяния, письма возносили её на алтарь чувств неистовых, казавшихся искренними и жертвенными. И в этих письмах, как ни странно, таилось подтверждение её невиновности, доказательство, что ни одним действием или словом она не уронила свою честь. Если б Жорж Дантес узнал об этом, едва ли бы он удовлетворился такой малостью. Интимные шалости со старшей Гончаровой не смогли в полной мере насытить страсть молодого барона. Мучимый противоречивыми чувствами, он кинулся к Идалике.

Мадам Полетика с удивлением выслушала сумбурную исповедь мужчины, которого считала лишь своей добычей. Как случилось, что Жорж влюбился в эту холодную куклу? Она ошиблась, считая Натали глупой и неумелой в делах флирта и любви, кузина сделала блестящий ход: отвергая Дантеса, она воспламенила его!

– Ах, Жорж! – Идалия отняла руки, которые поручик прижимал к своей груди, умоляя её помочь и что-нибудь придумать. – Если бы вы знали, как разочаруетесь в своей страсти. Мадам Пушкина в постели вовсе не так хороша, понравилось бы вам обнимать статую Микеланджело?

– Зачем вы отговариваете меня, вместо того, чтобы помочь?!

Полетика пожала плечами:

– Не верите? Но об этом даже её муж писал:

Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом всё боле, боле –
И делишь наконец мой пламень
поневоле!

Каково?! Неужели, такая женщина может вызывать в вас страсть? Очнитесь, Жорж!

– Это говорит о никчёмности её мужа! Да, он ей просто противен!

Идалия резко встала, подавив вспыхнувший гнев, холодно произнесла:

– Хорошо, месье барон, я вам помогу. Возможно, тогда ваше ослепление пройдёт. – Немного подумав, она добавила: – Приходите ко мне завтра, я укажу запиской, в каком часу. Устрою вам свидание с вашей недотрогой. А там уж как бог распорядится.

В понедельник, 2 ноября, сам дьявол распорядился подыграть «Мадам Интриге». Вызванная настойчивой запиской родственницы для важного, но тайного разговора Наталья Николаевна приехала в дом Полетики. Хозяйка её не встречала, и когда удивлённая Пушкина прошла в гостиную, то оказалась в объятьях Дантеса. Очнувшись от минутного шока, она вырвалась и бросилась к выходу. Но напрасно Натали старалась ускользнуть от обезумевшего мужчины, пытавшегося силой сорвать поцелуй с её губ.

– Вы сошли с ума, месье!

Поручик схватил её за руки и лихорадочно заговорил:

– Да, я брежу! Я не живу все эти дни, думаю только о вас, хочу забыть и не могу! Хотел жениться, разве вы не слышали об этом моём шаге?

– Делайте что хотите, Жорж! Хотите жениться – женитесь!

– О, нет! Я надеялся вызвать вашу ревность, невозможно было ошибиться, ведь вы смотрели на меня влюблёнными глазами. Это ваш муж, несносный ревнивец заставил вас отказаться от меня. Но я не откажусь, мы можем быть счастливы, только станьте моей! Нам никто не помешает.

– Пойдите прочь! – Натали оттолкнула мужчину, но прежде чем распахнула дверь, увидела выхваченный им пистолет.

– Хотите стать причиной моей смерти, тогда идите! Бегите, но не закрывайте уши, пусть звук выстрела поведает, что меня больше нет.

Она замерла в дверях в замешательстве.

– Ведь я не безразличен вам, вы не захотите моей смерти.

Он шагнул к ней, почти уверенный в победе, как послышались голоса, и распахнулись двери с детской половины. В залу вбежала хорошенькая девочка в кукольных локонах – дочь Идалии, следом вошла её гувернантка. Дантес поспешно спрятал пистолет, а Натали кинулась бежать. Слёзы полились из её глаз. Заплаканная, она взошла и, сев в коляску, махнула извозчику:

– Поезжай-ка, голубчик, на Моховую, в дом Быченской.

В доме Быченской жили Вяземские, и Наталья Николаевна, понимая, что попала в скверную историю, поспешила к Вере Фёдоровне. Княгиня Вяземская всегда относилась к ней по-матерински, к тому же вместе с мужем Петром Фёдоровичем она находилась в близкой дружбе с их семейством. Эта голубоглазая женщина с тонкими чертами и вытянутым лицом умела быть доброй и строгой одновременно, к тому же никто не мог обвинить её в болтливости. Интуитивно Натали потянулась к ней за советом, и, когда, захлёбываясь словами, напуганная, пересказала Вере Фёдоровне подробности встречи с Дантесом, поняла, что пришла по адресу. Вяземская усадила её в кресло, велела прислуге принести чаю и решительно заявила:

– Забудь обо всём! И мужу не смей говорить!

– Как же, – пробормотала Наталья Николаевна, теребя кружевной платочек, – я привыкла ничего не скрывать от Александра Сергеевича.

– А это скрой! – ещё строже произнесла Вера Фёдоровна. – Ты ему не оставишь выбора, придётся вызывать Дантеса на дуэль.

– Только не это, – побледнела Натали.

– Так что пожалей обоих! – без лишних церемоний подытожила их разговор княгиня. И добавила: – А молодому барону я от дома откажу. Пусть не появляется и тебя не смущает. Мне ваши пантомимы давно не нравились, а так будет всем спокойней.

Натали послушалась мудрого совета и вернулась домой присмиревшей и неразговорчивой. Сослалась на головную боль и легла спать пораньше. И назавтра вела себя тихо, отказавшись от вечернего раута и оставшись с детьми. Она молила Бога, чтобы всё обошлось и забылось. Не обошлось! В среду, 4 ноября, Пушкин получил письмо-пасквиль на французском языке, гнусное содержание которого могло привести в бешенство даже самого смирного человека. А Александр Сергеевич таким не являлся.

«Кавалеры первой степени, командоры и кавалеры светлейшего ордена рогоносцев, собравшись в Великом Капитуле под председательством достопочтенного великого магистра ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина коадъютором великого магистра ордена рогоносцев и историографом ордена. Непременный секретарь граф И. Борх».

Без особых разъяснений в пасквиле, оскорбительном по своей сути, читались намёки вполне понятные всем, кто вращался в высшем свете. Упомянутый Нарышкин являлся мужем постоянной любовницы Александра I, которому государь щедро платил за интимные услуги. Намёк был слишком явным – на должность камер-юнкера, ссуды и звание «историографа», якобы полученные посредством Натали. В последний год ревность Пушкина в отношении царя Николая несколько угасла. Государь и в самом деле лишь любовался и восхищался первой красавицей Петербурга, не позволяя себе неприличных вольностей. Поэту казалось, что жену вполне устраивало такое положение вещей, если устраивало! Что такого она могла предпринять в эти дни, что дала повод для мерзости, лежавшей сейчас перед ним на письменном столе, словно свернувшаяся в кольца змея?

Пушкин схватил письмо и отправился к ней. Наталья Николаевна уже встала, расчёсывала перед зеркалом свои прекрасные тёмно-русые волосы. С распущенными косами жена казалась совсем юной, словно и не было у неё четырёх детей. Она вскинула на него свои обворожительные глаза и кротко улыбнулась. Александр Сергеевич выкинул вперёд крепко стиснутый лист:

– Какие интриги вы ведёте за моей спиной?! Что ещё такого успели натворить, о чём ваш муж узнаёт последним?!

Наталья Николаевна мгновенно сделалась белой, как бумага, которой он тряс пред её лицом. Он не дал ей прочитать письма и ничего не пояснял, а женщина знала за собой лишь одну вину – недавнее свидание в доме Полетики. О нём она и заговорила сбивчиво, путаясь и оправдываясь. Лицо мужа менялось с каждым её словом, теперь и он, багрово-красный поначалу, стал совсем бледным. Натали докончила почти шёпотом:

– Он хотел застрелиться, Саша, и потом его письма, они доказывают: он не знает, что творит.

– Так есть ещё и письма? – казалось, совершенно спокойно произнёс Александр Сергеевич.

– Есть! – Натали бросилась к шкатулке, достала всё до последнего листочка, протянула мужу. – Вот они.

Он прочёл лишь два-три, усмехнулся недобро:

– Как же вы их бережно храните, просто как залог романтической любви. Видимо, они вам очень дороги, Наталья Николаевна, так заберите их!

– Саша! – вскрикнула она.

А Пушкин уже бросил письма ей в лицо, швырнул, словно камни, и вышел, хлопнув дверью.

Ещё до обеда стали приходить сведения о подобных анонимках, полученных друзьями Пушкина. Сначала принесли пасквиль, полученный г-жой Хитровой, а следом пришёл Соллогуб. Молодой граф был озадачен: странный конверт доставили на Большую Морскую, где он жил, на имя его тётушки. Соллогуб помчался на Мойку и протянул конверт, подписанный кривым почерком, Александру Сергеевичу. Зная о содержании, он скорее изорвал бы письмо в клочья. Пушкин распечатал послание при нём и спокойно произнёс:

– Я уже знаю, что там: я такое получил сегодня от Елизаветы Михайловны Хитровой – это мерзость против жены моей. Впрочем, понимаете, что безымянным письмам я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на моё платье, так это дело камердинера вычистить платье, а не моё. Жена моя – ангел, никакое подозрение коснуться её не может. Послушайте, что по сему предмету пишу г-же Хитровой.

Он зачитал свою записку и добавил:

– Есть одна дама, с некоторых пор воспылавшая ненавистью ко мне, это очень похоже на женскую месть.

– Кто же она? – едва дыша, спросил Владимир.

– Г-жа Полетика. Но пусть имя останется между нами, мстить женщине в ответ на недоказанную глупость, лишь по подозрению, ещё более глупо.

Соллогуб, выйдя от поэта, выдохнул с облегчением. Едва минуло полгода,

как Пушкин вызывал на дуэль его самого за неосторожные, но совсем невинные слова, сказанные Наталье Николаевне. Владимир даже в мыслях не мог допустить, что станет драться с великим поэтом, которого ценил очень высоко. Он сделал всё, чтобы уладить недоразумение, и случись та дуэль, скорей дал бы прострелить себя. Он и сейчас ждал ярости и гневной вспышки Александра Сергеевича, но порадовался, что дело, похоже, могло обойтись без крови.

Пасквили получили многие из друзей Пушкина – Карамзины, Вяземские, Россеты, Скалон и Виельгорский, но почти все они уничтожили анонимку и старались не распространяться о ней. Тайна была бы сохранена, но оскорблённый Александр Сергеевич понимал, что оградить себя и супругу от светских сплетен может лишь решительными действиями. Встреча, подстроенная у Полетики, подталкивала к мысли о недостойной мести его жене за то, что отвергла заносчивого волокиту. Убеждённый в вине Дантеса Александр Сергеевич послал поручику вызов.

Но вместо Дантеса вызов получил сам голландский посланник. Жоржа не оказалось дома, прохладно относясь к службе, он был наказан несколькими дежурствами подряд и не отлучался из казарм. Перепуганный Геккерн кинулся к Пушкину объяснить, что его сын не может ответить на вызов в связи со своим отсутствием. Барон просил отсрочку на день и получил её. Он немедленно отправил записку Наталье Николаевне, умоляя её написать Жоржу и отговорить его от дуэли. Каким бы козырем стало это письмо в руках опытного интригана! Но Натали с негодованием отвергла сделанное ей предложение, в страшном отчаянии от предстоящей дуэли она отправила слугу за Жуковским в Царское Село.

Сколько хлопот и седых волос скандальная история стоила верному другу Жуковскому, метавшемуся между дворцом, домами Пушкина, Геккерна и Загряжской, принявшей активное участие в погашении конфликта. Старый барон торговался, выклянчивал и, в конце концов, выпросил отсрочку ещё на две недели. Отодвинув опасность на время, Луи Геккерн стал искать средства избежать поединка, сохранив при этом лицо Жоржа. И тут, как гром средь ясного неба, явилась разгневанная Загряжская. Екатерина Ивановна в тот день пришла не ради защиты чести любимой Натали, ей в ноги бросилась старшая из племянниц – Катрин, признавшись, что стала любовницей Дантеса. Эту новость возмущённая тётушка вывалила на голову голландского посланника и пригрозила:

– Если вам будет мало дуэли с Пушкиным, то одному из братьев Катеньки придётся вступиться за честь сестры! Но и я сидеть без дела не буду, попрошу защиты у императрицы, ведь обижена её фрейлина!

Барон не испугался, в голове опытного дипломата мгновенно сложился пасьянс. Амурная невоздержанность приёмного сына, грозившая в другой ситуации скандалом и неприятностями, сейчас могла спасти и всё исправить.

– Жорж признался мне накануне в этом грехе, – в притворном смущении пробормотал Геккерн. – Он скрывал привычными для всех ухаживаниями за Натальей Николаевной свою страсть к Катрин.

Загряжская фыркнула, но тут же задумалась. Она была совсем неглупа и видела игру старого интригана, но сейчас его выдумка была на руку и Пушкиным, и Гончаровым. Дело могло обойтись не просто малой кровью, но ещё и выгодой. Выдать старшую Гончарову, у которой прежде не было никаких шансов, замуж за знатного и богатого жениха, разве это не удача?

– Так Жорж женится? – уточнила она.

– Ему больше незачем скрывать свои чувства, и я даю согласие на брак.

* * *

Для Дантеса решение приёмного отца прогремело водевильным приговором. Не принимая грозящий ему брак на веру, Жорж расхохотался:

– Отличная шутка, дорогой отец! Мы успокоим свет этой байкой, а после посмеёмся над наивностью некоторых особ!

Старый Геккерн взглянул строго:

– Шутить мы могли раньше, мой мальчик! Думаешь, я в восторге от девицы, которую тебе вздумалось затащить в постель? Меньше всего я желал бы для тебя такой судьбы, но коли эта барышня может вытянуть нас из неприятной ситуации, мы прибегнем к этому средству.

– Никогда! – Жорж с запылавшим лицом подскочил с кресла. С тех пор как влиятельный покровитель взял его под своё крыло, Дантес не возражал ему с такой яростью. Но дипломат знал, чем взять своего любимца.

– Случись эта дуэль, и твоей карьере конец! Ты так долго стремился к благам, которых достиг, неужели, захочешь всё потерять? И потом, оказавшись в близком родстве с мадам Пушкиной, легче добиться…

Геккерн многозначительно замолчал, но невысказанные слова искрой проскочили между ними. Глаза Жоржа загорелись, тщеславный, он уже думал, что сможет выжать из столь непривлекательного прежде союза.

В великосветских салонах вновь заговорили о женитьбе Дантеса, только теперь называли имя невесты, от которого у кумушек всех возрастов и рангов удивлённо приоткрывались рты. Подумать только: красавец Дантес, любимец императрицы, так настойчиво ухаживающий за Пушкиной, собрался жениться на её невидной сестре-бесприданнице! В свете уже не шептались, прикрываясь веерами, жужжали, как рой рассерженных пчёл. Во многих достойных домах, где томились в ожидании замужества знатные барышни, надеялись на молодого барона, как на возможного жениха, а он!

– Что бы это могло значить?! – недоумённо восклицали дамы.

– Разве вы не разгадали его игры? – заговорщицки шептали другие. – Этот вызов на дуэль, честь мадам Пушкиной на кону, Жорж жертвует собой…

– Ах, милый Жорж! Бедный, влюблённый мальчик, как это романтично, пожертвовать всем ради дамы сердца!

Веера без устали летали над бурно вздымавшимися грудями, дамы закатывали глаза, спешили сообщить подробности вновь прибывшим, общество, казалось, занимала только эта новость, затмившая все прочие. Один лишь Пушкин усмехался и не верил в неожиданную влюблённость молодого барона и тем более в его женитьбу. Он с мрачной решимостью ожидал конца отсрочки и почти не слушал Жуковского, который забрасывал его письмами, желая предотвратить дуэль. «Но, ради бога, одумайся. Дай мне счастие избавить тебя от безумного злодейства, а жену твою от совершенного посрамления».

В день, когда заканчивалась отсрочка дуэли, у Карамзиных праздновали день рождения старшего сына Андрея. Пушкины были приглашены, как и большинство друзей семейства. Владимира Соллогуба за столом усадили рядом с Александром Сергеевичем. За праздничной трапезой вели весёлый разговор с остроумными шутками, и вдруг Пушкин склонился к Владимиру, быстро произнеся:

– Ступайте завтра к д'Аршиаку. Условьтесь с ним только насчёт материальной стороны дуэли. Чем кровавее, тем лучше. Ни на какие объяснения не соглашайтесь.

Остолбеневший Соллогуб не знал, что и ответить, а поэт, как ни в чём не бывало, вновь поддержал очередное занятное воспоминание за столом. Графу Владимиру хотелось объясниться, но сам тон Александра Сергеевича не допускал никаких возражений.

Вечером приглашённые лица съезжались на раут к австрийскому посланнику графу Фикельмону. Дамы облачились в траурные платья по случаю смерти французского короля Карла X, но Катерина Гончарова явилась в белом платье, как подобало невесте, и открыто кокетничала с Дантесом. Пушкин приехал позже всех и без жены. Елизавета Михайловна Хитрово, приходившаяся

тёщей Фикельмону, бросилась к Александру Сергеевичу. Экзальтированная особа, несмотря на солидный возраст, любила показывать свои плечи и щеголять глубочайшим декольте, за что среди друзей носила прозвище «Лиза голенькая». Но сегодня она прикрылась траурной накидкой, столь непривычной для неё. Г-жа Хитрово была в числе тех, кто получил пасквиль на семью Пушкина, и на правах искреннего и преданного друга переживала за милого её сердцу поэта.

– Вы без Натали, мой дорогой, – торопливо проговорила она, беря Александра Сергеевича под руку, – как бы это не вызвало лишние толки. Уже со среды я в таких расстроенных чувствах! А мадемуазель Гончарова в белом платье, и Жорж от неё не отходит, говорят о близкой свадьбе, правда ли это, мой драгоценный Александр Сергеевич?

Пушкин покосился на добродушное, полное лицо Елизаветы Михайловны, так напоминавшее внешний облик её знаменитого отца – фельдмаршала Кутузова. Ныне он даже в словах ближайших друзей с болезненностью угадывал замаскированное любопытство, а порой и скрытую насмешку. И в ней, давней своей поклоннице, привязанной к нему фанатичной любовью, заподозрил желание к иронии. Наверно, и сама Елиза, как он часто называл Елизавету Михайловну, считала его ревность смешной и беспочвенной, особенно сейчас, когда француз заговорил о чувствах к Катрин. Почему же никто не видел в этом фарса, пьесы, разыгрываемой обоими Геккернами, насмешки над его Наташей?! Он решительно направился к свояченице и, демонстративно не замечая Дантеса, потребовал от неё покинуть раут вместе с ним…

Катрин рыдала в своей комнате, сёстры пытались остановить её истерику, но лишь натыкались на упрёки и обвинения.

– Вы все мне завидуете! Жорж любит меня, хочет жениться, но вы все противитесь! А твой муж, Таша, он поступает хуже всех. Зачем, скажи, зачем он вёл себя у Фикельмонов так отвратительно?!

– Катенька, – Натали присела на край постели, – мы желаем тебе только добра. Месье Дантес он… его намерения кажутся несколько странными.

– Ах, отчего же?! Не потому ли, что ты продолжаешь считать его своим поклонником?

Наталья Николаевна нахмурилась, каждое слово давалось ей с трудом:

– Катенька, послушай, Жорж – человек без чести, я не рассказывала вам с Азей, но он шантажировал меня, хотел, чтобы я отдалась ему, говорил, что иначе покончит с собой. И вдруг, не прошло и двух недель, заговорил о женитьбе на тебе. Кому он лгал – тебе или мне?

– Так тебе не приходило в голову, сестрица, что в эти две недели он мог полюбить другую? Он полюбил меня, потому что… – Катрин поднялась во весь рост, оправив белое платье, которое так и не сняла, вернувшись с раута. – Потому что я стала его любовницей и ныне встречаюсь с ним.

Натали охнула, зажала рот сжатым кулачком.

– Где? – сдавленно вопросила она.

– У тётушки. Ей всё известно, и Екатерина Ивановна нас поддерживает.

Наталья Николаевна продолжала смотреть на сестру, но какая укоризна явилась в её обычно кротком взгляде.

– Раз ты умела всё прекрасно устроить, так поди же теперь к Александру Сергеевичу и убеди его отказаться от дуэли. – Она поднялась прямая и строгая, как никогда. – И я желала бы, чтоб ты как можно скорей оказалась в доме Геккернов.

Дверью она не хлопнула, выдержка не изменила даже сейчас, когда Натали почувствовала, как жестоко над ней надсмеялись и ещё продолжали насмехаться, ломая непонятную комедию. А потом она стояла под дверью кабинета мужа и слушала рыдания Катрин, прерываемые истеричными мольбами:

– Вы все против моего счастья! Зачем вы жаждете его крови?! Он женится на мне, ему не нужна Таша и никогда не

была нужна! Оставьте Жоржа, отдайте его мне!

Наталья Николаевна отвернулась и пошла в свою комнату, зябко кутаясь в шаль. Потом, словно вспомнив что-то, скинула тёплый платок с плеч. По коридору спешил дядька Пушкина – Антон, она протянула шаль старому камердинеру:

– Отнеси Александру Сергеевичу, он с вечера искал, что можно заложить, отдай ему это.

Погода на следующий день соответствовала бурям, закручивающим вихри в душах причастных к делу, – метель свирепствовала страшная. Но именно в этот день секундантам Владимиру Соллогубу и д'Аршиаку с трудом, но удалось предотвратить дуэль, добившись от Пушкина отмены поединка по исчерпывающей причине. Дантес обязывался жениться на Катерине Гончаровой. Сыграли ли свою роль слёзы свояченицы, или поэт уже тогда задумал мстить только старшему Геккерну, неизвестно. Как бы то ни было, удовлетворяющий всех ответ был получен.

В доме на Галерной графиня София Александровна Бобринская, урождённая графиня Самойлова, писала своему любимому супругу: «Никогда ещё с тех пор, как стоит свет, не подымалось такого шума, от которого содрогается воздух во всех петербургских гостиных. Геккерн-Дантес женится!.. Да, это решённый брак сегодня, какой навряд ли состоится завтра. Он женится на старшей Гончаровой, некрасивой, чёрной и бедной сестре белолицей и поэтичной красавицы, жены Пушкина… В свете встречают мужа, который усмехается, скрежеща зубами. Жену, прекрасную и бледную, которая вгоняет себя в гроб, танцуя целые вечера напролёт. Молодого человека, бледного, худого, судорожно хохочущего; благородного отца, играющего свою роль, но потрясённая физиономия которого впервые отказывается повиноваться дипломату. Под сенью мансарды Зимнего дворца тётушка плачет, делая приготовления к свадьбе. Среди глубокого траура по Карлу X видно одно лишь белое платье, и это непорочное одеяние невесты кажется обманом! Во всяком случае, её вуаль прячет слёзы, которых хватило бы, чтобы заполнить Балтийское море. Пред нами разыгрывается драма, и это так грустно, что заставляет умолкнуть сплетни. Анонимные письма самого гнусного характера обрушились на Пушкина. Всё остальное – месть, которую можно лишь сравнить со сценой, когда каменщик замуровывает стену. Посмотрим, не откроется ли сзади какая-нибудь дверь, которая даст выход из этого запутанного положения. Посмотрим, допустят ли небеса столько жертв ради одного отомщённого!»

Очаровательная София Михайловна, в которую некогда был влюблён Жуковский, тактичная и преданная наперсница императрицы, никогда, по воспоминаниям великой княгини Ольги Николаевны, не произносившая ни одного пустого слова, письмом этим отразила все события того тяжёлого для всех действующих лиц периода. Для Пушкина отмена дуэли с Дантесом не означало всё забыть и простить, он даже написал оскорбительное по своей сути письмо старику Геккерну, но не успел отправить. Вмешался государь, вырвавший обещание у поэта не затевать дуэли без его ведома.

Наступал первый месяц зимы по календарю, хотя она давно пришла в столицу и царила в душах Александра Сергеевича и Натали. Заступничество царя лишь усилило ревность и подозрения Пушкина, а Наталья Николаевна, видя его замкнутость и грубость, вновь отдалилась, копя в сердце обиды.

Между тем светская жизнь шла своим чередом. После длительной реконструкции открылся Большой Каменный театр. Высший свет спешил посетить премьеру оперы Глинки «Жизнь за царя», и Пушкин едва смог достать билеты в одиннадцатый ряд.

Знакомых на премьере было столько, что только успевали раскланивать-

ся. Александра Гончарова, разглядывая зрителей в лорнет, негромко продекламировала:

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла – всё кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шуршит.

Она заметила одобрительную улыбку, изогнувшую губы Александра Сергеевича, а следом и невольно сдвинувшиеся брови Натали. Сестре не нравилось её частая демонстрация глубокого знания произведений мужа. Что ж, всем не угодить! Екатерине и вовсе не до премьеры, она без конца крутила головой, должно быть, высматривала своего жениха:

– Катенька, а твой Данден[1], похоже, не явился.

Слова Пушкина, а больше презрительное прозвище, с некоторых пор данное им Жоржу, заставило Катрин взвиться. Но разразиться гневной тирадой она не успела, поднялся занавес, и раздались первые аккорды. Александру Сергеевичу хотелось бы вовсе не вспоминать о Дантесе, но по окончании оперы в фойе они встретились с Данзасом. А там опять обмен любезностями и, конечно же, поздравления Катрин с предстоящим браком. И снова Пушкин не удержался от язвительного замечания:

– Даже не знаю, какой подданной теперь будет считаться моя свояченица, то ли голландской, то ли французской, то ли русской.

Екатерина Николаевна хмыкнула, дёрнув плечиком:

– Вы бы, Александр Сергеевич, лучше о Глинке поговорили. Тут его некоторые ругают за оперу, говорят, что нам сыграли музыку кучеров. Разве вы не согласны?

– Катрин, Михаил Иванович написал оперу народную, только вам что до этого народа, ведь вы во француженки подались! А ведь какое дружное действие, какой накал страстей, и либретто хорошо, хоть и жаловался Соллогуб, что его либретто отвергли, но Розен написал что надо!

Спустя пару недель Екатерина старательно выписывала буквы в своём письмеце. Послание предназначалось Жоржу, и ей хотелось, чтобы почерк смотрелся куда более изящным, чем обычно. Жених был серьёзно болен, впрочем, жестокая простуда и лихорадка свирепствовала во всех домах. Пушкин почти не выходил из кабинета, просил не пускать к нему детей, но работал и рассылал записки друзьям. Чаще Одоевскому, с которым вёл работу по журналу: «Я дома больной в насморке. Готов принять в моей каморке любезного гостя – но сам из каморки не выйду». Старшая Гончарова из комнаты тоже не выходила, чтобы не сталкиваться с зятем, слишком уж натянутыми стали их отношения. Она мысленно уже принадлежала дому Геккернов и не могла дождаться свадьбы. Одни только хлопоты, связанные с бракосочетанием, волновали её, она писала брату Дмитрию о деньгах, заказывала через него шубку из голубого песца, напоминала о венчании, назначенном на первую половину января, надеясь на присутствие всех близких.

Пушкин пытался забыться в работе. В типографию следовало сдать четвёртый выпуск «Современника»; Плюшар готовил к переизданию «Евгения Онегина»; «Слово о полку Игореве» увлекло поэта, и он принялся изучать текст и сравнивать переводы. Все ожидали от него труда о Петре Великом, но и работа над столь монументальным произведением требовалась колоссальная. А между тем не следовало забывать об опостылевшей светской жизни и о красавице-жене, которую во избежание дальнейших слухов нельзя было запереть дома или увезти в деревню, как ему часто хотелось.

Уже ждали Новый год и Рождество, а в доме вновь закончились деньги. На-

---

[1] Жорж Данден – герой из пьесы Мольера, глупый, невезучий карьерист, который заключил фиктивный брак, надеясь на то, что его неразумные желания исполнятся.

деялись на поступление от нового выпуска «Современника», на десять тысяч рублей от миниатюрного по формату «Евгения Онегина», но пока следовало срочно гасить старые долги, чтобы жить дальше. Принесла своё столовое серебро Александрина, просила заложить, но Пушкин не взял. У всех мало-мальски знакомых и ростовщиков занято, не к кому и обратиться. Наталья Николаевна вызвалась просить займ на своё имя:

– Пойду к Юрьеву, Саша, говорили, он не особо зверствует, если просрочим проценты, может и обождать.

От собственной решимости губы крепко сжались и расслабились под его пристальным взглядом.

– Иди ко мне, Таша.

Так они не целовались давно, и чувства не захлёстывали столь сильно, как в этот час. Всё забывалось в ослепительном потоке: безденежье, семейные неурядицы, Азина неистребимая привязанность, недавний скандал с дуэлью. Остались лишь они вдвоём, его умение заставить любимую забыть обо всём, и её красота, призванная делать поэта счастливым, пусть и на краткий миг…

Только успел воцариться мир и покой между ними, как январь принёс новые оскорбления. В первых числах месяца Наталье Николаевне пришла записка Бенкендорфа вместе с деньгами от государя: «Его Величество, желая сделать что-нибудь приятное вашему мужу и вам, поручил мне передать вам в собственные руки сумму при сём прилагаемую по случаю брака вашей сестры, будучи уверен, что вам доставит удовольствие сделать ей свадебный подарок».

Пушкин подачку Николая Павловича воспринял как плевок.

– Немедленно верни! Откажись! – потребовал он от жены.

Натали растерянно развела руками:

– Как ты это представляешь, Саша?

Можно ли отказаться от милости государя, презреть добрые намерения императора? В том, что они добрые и без двойного дна простодушная Натали, в отличие от Пушкина, была уверена.

Муж снова хлопнул дверью, бежал из комнаты с яростью. Он и сам понимал, что вернуть деньги почти невозможно, но оттого осерчал ещё больше. Раздражения прибавляли и приготовления к предстоящей свадьбе Катрин, хлопоты портних, раскиданные по диванам платья, коробки с материями и швейными наборами. Пушкин жаловался, что его дом превратился в бельевую лавку, потому и бежал из квартиры по любому приглашению с радостью.

Один из вечеров провёл у австрийского посланника Фикельмона в прекрасном обществе с Вяземским, Тургеневым, французским послом Барантом и прусским послом. По таким блестящим и разнообразным разговорам он всегда скучал, а здесь отдохнул душой, рассказывая анекдоты из жизни Петра I и Екатерины II и с интересом слушая пикантные истории о Талейране. Амабль-Гийом Барант принялся хвалить «Капитанскую дочку»:

– Александр Сергеевич, почему бы вам не перевести этот чудный роман на французский язык, я бы мог оказать посильную помощь.

Пушкин задорно блеснул своими живыми глазами:

– Господин Барант, у вас замечательный слог, ваши исторические труды нам хорошо известны, почему бы вам не решиться на перевод самому? Это ни в коем случае не будет нарушением моей литературной собственности, обещаю остаться без претензий.

– Лучше вас кто бы такой перевод сделал, опасаюсь, мне не выразить оригинальность слога этой эпохи, старорусских характеров и девичьей русской прелести. А как переложить ваш прелестный рассказ на другой язык? Нет, я не решусь, господин Пушкин.

Подхватил тему и Вяземский:

– Француз поймёт нашего дядьку, ведь такие и у них бывали, но как им понять верную жену верного коменданта? Для них это слишком!

Над шуткой смеялись все, в том числе и французский посол Барант.

* * *

В воскресенье десятого января играли свадьбу Дантеса с Гончаровой. Венчали в двух церквях – православной и католической. Наталья Николаевна была только в церкви, Пушкин туда не явился, и визит молодожёнов в свой дом отклонил. Как бы там ни было, но женитьба Дантеса на время успокоила всех. Друзья поэта вообразили, что время тревог осталось позади.Пушкин работал над статьями, искал, у кого взять в долг. Катрин из шикарной квартиры Геккерна привычно требовала от брата положенную ей сумму, разъясняя, что неудобно просить денег на мелкие расходы у приёмного отца Жоржа. Натали в доме Геккернов не бывала, виделись они лишь в свете. А вот Азя препятствий к визитам не видела, у старшей сестры она появлялась и примечала многое: печаль Катрин, скрытую за внешним спокойствием, и желание всех ввести в заблуждение. Сестра писала братьям о своём невероятном счастье, но эта «самая счастливая женщина на земле» спустя всего неделю направляла свой ревнивый лорнет на мужа, не опускающего долгого, жаркого взгляда с Натали. О, как на многое способны страстно обожающие женщины! По-видимому, и мадам Екатерина Геккерн научилась казаться счастливой, оставаясь на деле нелюбимой и молча страдающей от равнодушия её Жоржа.

В субботу всех ждал бал у графа Воронцова-Дашкова, где неугомонный француз, задетый за живое слухами, ходившими в обществе, решился идти ва-банк. Балы у супругов Воронцовых-Дашковых всегда отличались непревзойдённой роскошью и блеском. До шестисот гостей отдавали честь огромному дому на Дворцовой набережной, рядом с Зимним дворцом. Весь свет приглашали на бал граф Иван Илларионович и его очаровательная, юная, по-мальчишески проказливая супруга Александра Кирилловна. Несмотря на своё внешнее легкомыслие графиня однако примечала многое, заметила, что Пушкины приехали на бал явно после супружеской ссоры – он мрачен; она, едва не плача. Наташа в карете упрекала мужа:

– Со своей сестрой я вынуждена общаться чуть ли не жестами. Вынуждаешь меня вести себя столь же глупо, как и ты. Я устала играть роль почтенной матроны, сидящей в своём углу.

Александр Сергеевич быстро вскинул голову, сказал жёстко и цинично:

– Может, вы, сударыня, устали и от роли верной жены?

Белое лицо Натали пошло красными пятнами, она судорожно сжала отворот голубой шубки, отороченной светлым мехом. Азя примиряющим жестом вскинула руки:

– Мы уже приехали. Давайте оставим споры на десерт. Старая пословица «Милые бранятся – только тешатся» разве не про вас?

Пушкин на попытку свояченицы пошутить ответил хмурым взглядом, Натали и вовсе отвернулась, запахнувшись плотней в шаль.

На балу супруги, едва ответив на приветствия графа с графиней, разошлись по разным углам. Идалия Полетика это сразу усмотрела, поискала взглядом Дантеса. Жорж хоть и прибыл с женой, но, как только в зале появилась Наталья Николаевна, устремился к ней. Идалия перехватила пылкого кавалера на полпути, изящно помахивая веером, увлекла вроде бы пустой светской болтовнёй, улыбаясь своей обольстительной улыбочкой. На деле Полетика только что не шипела, пытаясь остановить молодого барона:

– Не заигрались ли вы, поручик? Мне начинает казаться, что вы никогда не любили меня, а всегда увлекались одной лишь Поэтшей.

– Я вас люблю по-прежнему, но чувство стало иным, отдалённым.

– О, если б можно было удалиться от любви, как удаляешься с надоевшего раута! Ваше безрассудство меня пугает. Прекратите, Жорж, эти беспрестанные ухаживания за Пушкиной. Вы уже могли убедиться в холодности и чёрствости Натали, а её муж-дуэлянт и вовсе

опасен, он безумен, когда дело касается его собственности.

– Вот это меня и возбуждает, – блеснул безупречно белыми зубами Дантес. Улыбка вышла хищническая, словно оскал зверя.

– Ради бога, вы погубите себя! – невольно вскрикнула Идалия. Интрига, которую она и сама же задумывала, грозила пролитием крови, но не только гибели Жоржа она боялась, опасалась, что выйдет на свет её участие, хотя Полетика давно уж отстранилась от этой истории.

– Мне всё равно! – бросил Жорж, даже не глядя на женщину, которую некогда боготворил. – Я устал от косых взглядов и пересудов, ведь некоторые осмеливаются предполагать, что моя женитьба была лишь поводом, чтобы избежать поединка. Пусть же убедятся все, что Жорж Дантес не трус, и я стану добиваться благосклонности мадам Пушкиной, даже если её муж прострелит меня насквозь прямо на балу!

К Наталье Николаевне он подошёл в тот момент, когда она остановилась для разговора с Катрин. Г-жа Пушкина решила во что бы то ни стало внушить всему свету, что их отношения с Геккернами не выходят за рамки приличий и по-родственному теплы. Только она меньше всего ожидала необходимости любезничать с Жоржем, слишком уж свежи были воспоминания о встрече у Полетики, но Натали улыбнулась и ему, хотя натянутую гримасу трудно было назвать сердечной.

– Вы ведь не откажете мне в танце, Наталья Николаевна? – немедленно кинулся в атаку барон. И добавил с обезоруживающим простодушием: – Свет хочет видеть, что наши семьи дружны, разве вы не желаете того же?

Женщина колебалась недолго, подала руку своему зятю и отвязаться от докучливого внимания молодого Геккерна уже не смогла. Он сопровождал её в буфет, на ужин, захватил на все танцы, без конца шутил, а между контрдансами вдруг склонился к изящному ушку и произнёс по-французски:

– Вы знаете, Натали, у вас с моей женой один мозольный оператор. Так вот, он сообщил мне, что ваша мозоль, несомненно, красивей, чем у Катрин.

Пушкина побледнела, только что разрумянившаяся после танца она стала белой, как полотно. Это слово «мозоль», произнесённое на французском, по непередаваемой игре слов звучало совсем как «тело». Словно во сне Наталья Николаевна отшатнулась от Дантеса, пошла, потом кинулась к выходу, её остановил Пушкин.

– Саша, – шепнула она, едва сдерживая слёзы, готовые хлынуть из глаз, – давай уедем домой, Саша.

Уже в карете Александр Сергеевич, подав ей платок, спросил вроде бы с видимым безразличием:

– Что произошло, ангел мой, что сказал тебе этот несносный Данден?

Она передала каждое слово, не скрывая. Смуглое лицо мужчины потемнело ещё больше, желваки на скулах будто окаменели.

– Саша! – испугалась Натали, вцепившись в его руку. – Это всё пустое, наверно, я слишком впечатлительна. Забудем! И давай, уедем, как ты хотел, в деревню. Морозы ослабнут, и отправимся, уедем от всех и от всего.

– Мы подумаем, милая, решим на днях.

Он хотел её успокоить, утешить, хотя знал наверняка: теперь уж будет дуэль, и только исход поединка решит, кто и куда уедет после. Геккерны не бросили своей игры, затеяли втянуть Наташу в грязную и пошлую интрижку, чтобы после обвинить её в распутстве и навсегда заклеймить его рогоносцем. Честь Пушкина задели нешуточно, хоть и исподтишка.

На следующий день с визитом явились Сахаров с Якубовичем и застали Пушкиных в гостиной в умилившей посетителей картине: Александр Сергеевич сидел на стуле, жена подле него на разостланной по полу медвежьей шкуре, положив свою голову ему на колени. Пушкин нежно гладил её русые волосы

и улыбался тепло и задумчиво. Картина рассеяла все слухи, доходившие до обоих литераторов о ссорах и неурядицах в доме поэта, этим утром всё здесь дышало любовью и умиротворением.

С гостями говорили про «Слово о полку Игореве», спорили, Пушкин даже вскипел, браня Полевого за его «Историю». А как только проводил визитёров, засобирался к ростовщику Шишкину со столовым серебром Ази. Как ни противилась Наташа, но денег в доме не осталось. Шишкин серебро в залог взял, выдал две тысячи двести рублей. Часть денег Пушкин отложил на пистолеты, необходимые для дуэли, остальное отдал Наталье Николаевне на хозяйство. Она с расстроенным видом перебирала перчатки в шкафчике:

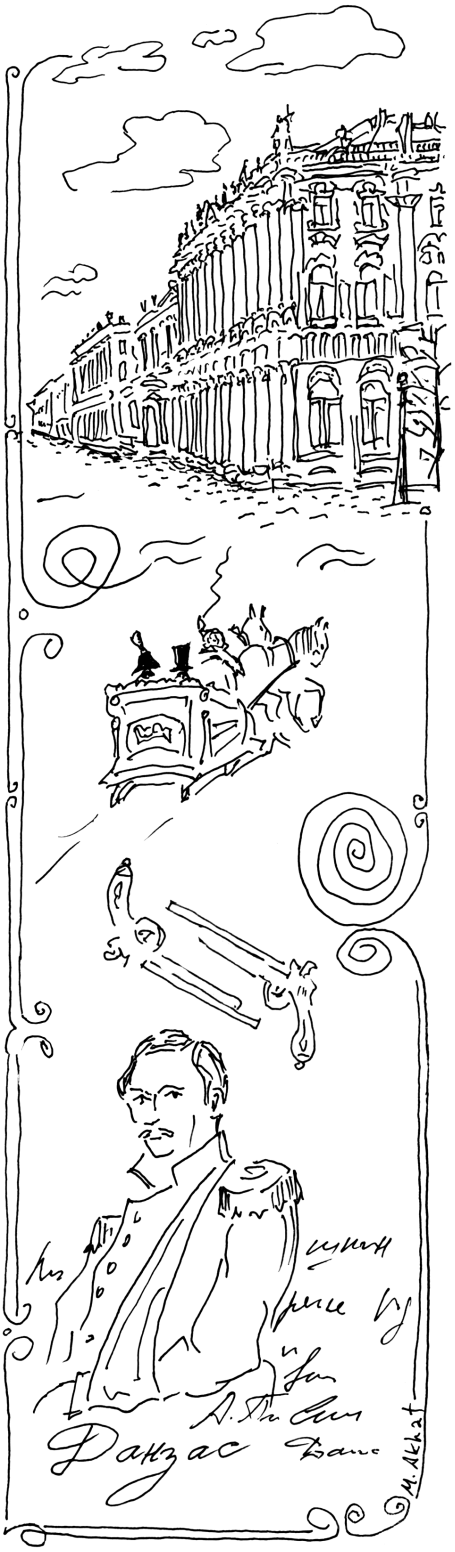
– Эти уже не починить, а последние так и не отчистились. Сегодня на вечер к Мещерским, я рада, что танцев там не будет, а то пришлось бы вновь потратиться. – Натали обернулась к Пушкину. – Что ты решил, Саша, насчёт отъезда в деревню?

Он легко коснулся поцелуем чистого лба жены:

– Решу, ангел мой, только с делами разберусь.

Подвоха в его словах она не почувствовала, улыбнулась своей застенчивой улыбкой. Ведь сколько лет минуло, давно признали его Наташу первой красавицей Петербурга, осыпали льстивыми комплиментами, но она так и не стала светской львицей, не утеряла скромности и какой-то девичьей прелести. А они, эти завистники обоих полов, зовут её пустоголовой кокеткой, холодной ледышкой, не знают, какая она настоящая. Он и сам стал открывать её недавно и понемногу, а ведь жёнка его ещё совсем молода, нет и двадцати пяти. Даст бог, она приятно удивит его, только бы разобраться с недоброжелателями, заткнуть рты сплетникам, наказать Геккернов, особливо старого интригана, прячущегося за статусом посла.

Утром 25 января Александр Сергеевич достал из письменного стола черновик письма, которое когда-то не смог



отослать. Теперь он переписал его заново, вкладывая в оскорбительное послание всю ненависть не только к мерзкому интригану и его распутному сыну, но и ко всему свету, в котором ему было душно жить. «Барон! Позвольте мне подвести итог тому, что произошло недавно… Я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивлённая такой трусостью и пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном. Я вынужден признать, барон, что ваша собственная роль была не совсем прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему сыну… Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорождённого или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней».

Запечатанный конверт он взял с собой, чтобы отправить по дороге к баронессе Вревской, Зизи его молодости, ожидавшей его для обещанного ранее посещения Эрмитажа. Поэт бросил жёгшее пальцы письмо в один из почтовых ящиков, которые совсем недавно появились в столице. Дело было сделано, но душа требовала облегчения, и он излил свои метания давней тригорской подруге, хотя поначалу разговор зашёл вовсе о других вещах. Евпраксия Николаевна напомнила о желании Александра Сергеевича, чтобы её мать либо муж выкупили Михайловское, оставив за Пушкиным только усадьбу с садом, где могло бы проводить лето его семейство.

– Всё почти решилось, – щебетала Зизи, поправляя изящный меховой капор, – но в последний момент вмешалась маменька, она сказала, что не хочет потери ваших прав на Михайловское и подсказала хороший выход.

– Верно, – несколько рассеянно отозвался Александр Сергеевич, – она писала об этом в последнем письме.

– Однако вы совсем не рады. – Женщина склонилась к самому его лицу, внимательно вглядываясь в усталые черты. – Что с вами, мой дорогой, вы нездоровы? Михайловское было так важно для вас, и вдруг…

Он грустно улыбнулся:

– Тоска, милая Зизи, меня съедает тоска.

Баронесса взмахнула своими округлыми ручками. Со времён тригорской молодости Евпраксия заметно пополнела, рождение четверых детей сказалось на ней заметно. Он подумал, что Натали, в отличие от старой подруги, стала лишь прекрасней, словно каждый их ребёнок дарил матери ещё больше женственности и несравненного обаяния.

– Ах! Если бы мы были в Тригорском, я сварила бы, как прежде, жжёнку из рома, и вы, отведав её, смеялись бы как сумасшедший!

– Из ваших бесценных ручек, Зизи, я нынче выпил бы и яду.

– Не шутите так! – она отдёрнула руку, над которой он склонился для поцелуя. – Теперь уж я не оставлю вас в покое, говорите, что случилось.

– Разве вы не слышали, о чём болтают в свете?

– В свете о многом сплетничают, и у нас, в глуши, про вас рассказывают всякие небылицы. Тошно слушать эти гадости!

Он помрачнел, нахмурил лоб:

– Так даже до вас долетело? Как же я устал от всего! Эти бесконечные толки, все вокруг только и обсуждают рогоносца Пушкина!

– Бог с вами! – Баронесса испугалась его внезапно рассвирепевшего лица, взъерошившихся бакенбард и глаз, налившихся кровью. Она прижала руки к груди, заговорила с укоризной: – Разве друзья и истинные ваши ценители поверят, поддержат клевету? Так вы о нас думаете, Александр?!

– Я не о друзьях говорю, я в лице каждого в этом государстве хочу быть очищенным от бесчестья! Устал не только от пересудов, шепотков и взглядов, устал от долгов, от бесконечной

гонки за чем-то призрачным, чего никак не поймать, устал жить…

– Ах! – женщина вскрикнула, вцепившись в его рукав. – Александр Сергеевич, не пугай меня!

Он ободряюще улыбнулся, кивнул:

– Всё уже решено, Зизи. Если они и сейчас уклонятся от дуэли, я их на весь Петербург ославлю! Да, что Петербург, о них повсюду заговорят!

– Дуэль! Александр, ну как же? Милый Саша, ведь ты можешь быть убит! Пуля, она не выбирает!

– Не страшно. Пусть будет, как бог решит.

– Но дети! Я не говорю о жене, наверно, в этом есть её вина…

– Нет вины Наташи! – сердито перебил он приятельницу. – Её опутали, как и меня. А дети… что ж, о детях как-то обещал позаботиться сам государь. И ты до времени молчи, Зизи, вот рассказал тебе и легче на душе.

В этот же день вечером раут у Вяземских. Там царила обычная атмосфера, лишь Пушкин вёл себя непривычно, он с нескрываемым наслаждением наблюдал за всегдашними ужимками Дантеса, крутившегося возле Натали. Александр Сергеевич чувствовал близкую развязку и был вполне доволен этим. Княгиня Вяземская первая заметила странное выражение на его лице и подошла расспросить старого друга. Вера Фёдоровна была из тех женщин, которых Пушкин обличал своим доверием и часто делился сокровенным. Он и сейчас не стал скрываться и, кивнув на Дантеса, сказал:

– Что меня забавляет, это то, что этот господин веселится, не предчувствуя, что его ожидает по возвращении домой.

– Что же именно?! – встревожилась Вяземская. – Вы ему написали?

– Его отцу.

– Как?! Письмо уже послано? Сегодня?

Она с ужасом смотрела, как он удовлетворённо потирал руки:

– Мы надеялись, что всё уже кончено!

Вера Фёдоровна бросилась на поиски мужа, но, не отыскав князя, рассказала всё Виельгорскому. Эпикуреец был, как обычно, в приподнятом настроении и не увидел в новости тревожащих ноток, чем отчасти успокоил и княгиню. В конце концов, Пушкин в последнее время часто грозился дуэлями, которые заканчивались ничем.

Наступило 26 января, день, когда Александр Сергеевич с нетерпением ожидал вызова на дуэль от оскорблённого им противника. Чтобы как-то занять себя, он разбирал почту и увлёкся письмом от графа Толя, написанного тем в ответ на посланную ему «Историю пугачёвского бунта».

Старый барон тем временем, получив послание, в суматохе кинулся к графу Строганову. Он ещё искал иного выхода из неприятной ситуации, но граф рассудил, что подобной пощёчины пропустить невозможно и другого пути, кроме поединка, нет. Только по причине дипломатического положения Луи Геккерна стреляться с Пушкиным следовало Жоржу. На том и порешили, и немедленно послали за д'Аршиаком. Далее последовал вызов по всей форме, оставалось лишь условиться о дне, времени и месте.

Волнение охватило поэта, когда приблизился час развязки. Друзья могли помешать поединку, но никто не был оповещён, Александр Сергеевич даже в секунданты решил позвать человека совершенно постороннего, но порядочного и честного – советника английского посольства Артура Меджниса. О его намерениях знали Зизи и княгиня Вяземская, но кто станет слушать женщин с их догадками и предчувствиями? Единственная, кто могла бы, пав перед ним на колени, удержать от рокового шага, – его Наташа, – ничего не замечала. Хотя томилась неясной тревогой, спала неспокойно и часто просыпалась на мокрой от слёз подушке. Он её спросил недавно, по ком бы она плакала, случись у него дуэль с Дантесом. Натали ответила серьёзно и беспощадно для него: «По тому, кто будет убит». Он

рассердился на жену, но, поразмыслив, остыл. Она всегда была доброй христианкой, а как бы ещё следовало поступить христианке, когда по её вине случится кровавый поединок. А он желал завершения тягостного положения, и исход был близок. Поздно вечером пришла записка от Артура Меджниса с отказом участвовать в дуэли.

Наступило 27 января 1837 года. С утра Александр Сергеевич встал рано, в 8 часов, был весел, в приподнятом настроении. Пришло очередное письмо от д'Аршиака, который требовал найти и послать к нему секунданта для встречи во французском посольстве. Пушкин послал за лицейским другом Данзасом, а сам сел работать и писал до одиннадцати часов. Как только в квартире появился Данзас, Пушкин заперся с ним в кабинете и поставил друга юности перед фактом. Секунданту оставалось лишь обговорить условия поединка, который должен был состояться через несколько часов.

Александр Сергеевич велел старому камердинеру подать воды, вымылся, переоделся во всё чистое. Наталья Николаевна отправилась с детьми на гулянья, кататься с горок и объясняться, куда он отправился, было не с кем. Велел дядьке Антону подать бекеш, вышел на лестницу, но возвратился, вспомнив о морозе, стоявшем на улице. Попросил свою шубу, – любимую, медвежью, в которой можно ехать на извозчике без риска замёрзнуть. О карете и не подумал. С Данзасом встретились в кондитерской Вольфа на углу Невского проспекта и набережной Мойки. Шёл четвёртый час дня. Пушкин попросил себе лимонаду, выпил и махнул Данзасу рукой:

– Едем, друг, пора.

Он казался спокойным, не возбуждённым, лишь слегка задумавшимся, ушедшим в свои, неведомые никому мысли. Константина Карловича же трясло, всю дорогу он глядел по сторонам в надежде, что кто-нибудь остановит их, случится что-то непредвиденное. Многие в этот час возвращались с прогулки, приветствовали их, бросали весёлые фразы вслед. Данзас воспрял духом, когда увидел во встречной карете Натали, возвращавшуюся с горок. Вот сейчас случится то, о чём он с жаром молил господа! Он вскинул руку, чтобы привлечь её внимание, но г-жа Пушкина страдала слабым зрением и не заметила ни его, ни мужа. В замешательстве Константин Карлович обернулся к Александру Сергеевичу, разве не захочет тот взглянуть на жену и детей… Но Пушкин скользил взглядом по противоположной стороне улицы. Ещё мгновение, и извозчичьи сани с каретой разминулись… Карета покатила Наталью Николаевну к мрачной жизни в тяжких воспоминаниях, к людскому осуждению, к непреходящему чувству вины. Сани же уносили поэта к вечности, которая в тот час брала начало у Чёрной речки.